

АРТЕМ САВЕНКОВ

Путь
Любовницы

Артем Савенков

Путь Любовницы

<https://litres.ru/74667912>

SelfPub; 2026

Аннотация

В девятнадцать лет Вера остаётся одна с маленькой дочерью. Родители отворачиваются, учёбу приходится бросить, денег не хватает на самое необходимое. Игорь помогает ей выстоять. Рядом с ним она снова смеётся, строит планы и верит, что у них получится семья. Только у Игоря уже есть жена.

Годы приносят квартиру, поездки к морю, общие воспоминания. Он становится для её девочки папой. Но по праздникам уезжает в другой дом, а счастливую семейную фотографию Вера прячет между страницами учебника.

Она научилась ждать. Справляться с одиночеством. Молчать, когда больно. К одному она не готова: однажды дочь узнаёт правду и начинает говорить новым знакомым, что она сирота.

Чтобы вернуть её доверие, Вере придётся рассказать всё, о чём она молчала годами. И решить, сколько ещё жизни она готова отдать любви, которую приходится скрывать.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Арте́м Саве́нков

Пу́ть Любо́вницы

Арте́м Саве́нков

Пу́ть любо́вницы

Роман

Часть первая

Когда некому позвонить

1999–2000

Глава 1

Сентябрь

Отец проверил ручку сумки в третий раз. Поднял, чуть потряс, поставил на скамью. Вера знала: ручка выдержит. Павел сам прошил ее сапожной нитью, той самой, которой когда-то чинил Верин школьный ранец. Она не стала его останавливать: до поезда оставалось пять минут, а больше поправить было нечего.

— На станциях не выходи, — сказал он. — Даже если долго стоят.

— Пап, здесь два часа ехать.

— Я что сказал?

Мать потянулась поправить воротник ее куртки, хотя сентябрьское утро было теплым. Вера терпеливо наклонила голову. От материнских пальцев пахло кремом и луком: котлеты жарили до полуночи, складывали в эмалированный судок, потом перекладывали в другой, потому что первый оказался слишком тяжелым.

— Как приедешь, найди телефон, — сказала Людмила. —

С вокзала сразу не надо. Доберись, устройся.

— Так сразу или потом?

Мать улыбнулась, но губы остались напряженными.

На соседней скамье мальчик в черной кожаной куртке ел пирожок, держа его вместе с газетой. Ему никто не давал наставлений. Вера ему позавидовала и тут же подумала, что он, наверное, совсем один. Лучше уж пусть поправляют воротник.

Электричка подошла с металлическим вздохом. Отец внес сумку в вагон, нашел место у окна и положил ее на пол. На полку не поставил: вдруг Вера сама не снимет. Постоял над ней, загораживая проход.

— Деньги в одном месте не держи.

Она кивнула. Сто рублей лежали в кошельке, еще пятьдесят мать зашила во внутренний карман. Вера обнаружила их утром, когда пыталась убрать туда расческу, и сделала вид, что ничего не заметила.

— Ладно, — сказал отец. — Учись.

Он погладил ее по голове так неловко, словно она уже стала для этого слишком взрослой, но другого движения пока не нашлось. Вышел. Мать обняла крепко, задержалась у самого уха:

— Ты там кушай нормально.

Вера хотела ответить что-нибудь веселое, но вдруг почувствовала, что, если откроет рот, заплачет. Обидно было плакать именно сейчас. Всю весну она ждала поступления, весь

август считала дни до отъезда; дома ей казалось, что взрослая жизнь начинается за пределами родительской кухни. Теперь за стеклом стояли двое людей, которые останутся на этой платформе, а она уедет.

Отец убрал руку в карман. Мать все еще махала, когда поезд тронулся. Вера подняла ладонь и держала ее у стекла до тех пор, пока родители не смешались с маленькими фигурами у станционного здания.

На перегоне она развернула судок. Есть не хотелось. Хотелось сохранить запах дома хотя бы до обеда.

Волжанск встретил ее гулом незнакомых голосов. Грела трамвайная стрелка, кто-то торговался у ларька, диспетчер объявляла пригородные рейсы. Перед вокзалом продавали цветы в пластиковых ведрах; женщины двигали их вслед за тенью, чтобы листья не повяли. Вера переписала номер нужного автобуса на ладонь и дважды уточнила дорогу, стесняясь, что второй человек может услышать первый вопрос.

Общежитие стояло за институтским корпусом, среди топей с белыми, облупившимися стволами. На двери висело объявление о дежурстве по этажам. Под ним кто-то дописал: «Мальчикам тоже». Вахтерша, женщина с высокой прической и усталыми красными веками, долго рассматривала Верин паспорт.

— Восемнадцать уже есть?

— В июне было.

— Тут некоторые приезжают, а потом мама звонит и го-

ворит: у нее ребенок. У меня тут не детский сад.

Вера не поняла, что следует ответить. Пообещать не быть ребенком?

Ей выдали ключ с алюминиевым номерком и объяснили, где расписаться за постельное белье. Поднимаясь, она задевала сумкой каждую вторую ступеньку. Пальцы начали неметь, но остановиться посреди лестницы почему-то казалось стыдным.

Дверь двести четырнадцатой была открыта. Девушка в майке, сидевшая на подоконнике, ела яблоко. Увидев Веру, спрыгнула и взяла сумку с такой решительностью, словно ее назначили встречающей заранее.

— Ты на какую кровать хочешь? Я уже заняла, но могу изобразить демократию.

— Мне все равно.

— Вот так и отнимают у людей лучшее. Надя.

— Вера.

— На экономический?

Она кивнула.

— Значит, вместе будем деньги считать. Чужие пока.

У Нади на кровати лежало покрывало с оленями, а на столе стояли три разномастные кружки. Третья соседка еще не приехала. Вера выбрала кровать ближе к двери. Окно ей нравилось больше, но место у окна всегда казалось предназначенным для кого-то более уверенного.

Пока она распаковывалась, Надя успела узнать, откуда Ве-

ра, чем занимаются родители и сколько котлет помещается в таком судке.

— Папа на железной дороге, мастер. Мама в школе секретарем.

— Значит, с дисциплиной у тебя все хорошо.

— Смотря у кого спросить.

Надя засмеялась. Вера тоже улыбнулась и наконец сняла сумку с колен.

Вечером они ели котлеты на хлебе. Электроплитка была запрещена, поэтому соседки с третьего этажа принесли кипяток в кастрюле, а потом забрали две котлеты за доставку. На кухне спорили о цене масла; в душевой никак не закрывалась кабинка. Вера мылась, придерживая дверь локтем, и представляла, как мать возмутилась бы такой жизнью. Ей самой все нравилось. Даже необходимость прятать мыло в собственную коробочку казалась частью свободы.

Перед сном она подписала тетради. Фамилию выводила медленно: Мельникова Вера Павловна. Написанная на новой обложке, она выглядела серьезнее, чем в школьном дневнике. Вера сложила тетради по размеру и положила сверху расписание.

Надя погасила верхний свет.

— Лампу можешь оставить. Мне не мешает.

Дома в это время отец уже прошел бы по коридору и спросил, сколько можно жечь электричество. Здесь Вера могла сидеть сколько захочет. Она посидела еще десять минут, хо-

тя делать больше было нечего.

Утром аудитория оказалась больше, чем Вера представляла. Ряды поднимались к последней двери, возле кафедры стояла высокая доска на колесах. Студенты садились ближе к знакомым. Она нашла место рядом с Надей, выложила ручку, вторую оставила в пенале на случай, если первая перестанет писать.

Преподаватель начал без торжественной речи. Написал несколько слов, обернулся, спросил, что они понимают под одним из них. Сначала отвечали самые уверенные, затем заговорила девушка из первого ряда. Вера слушала и удивлялась: здесь можно было спорить со взрослым человеком, если объясняешь, почему думаешь иначе.

Она подняла руку не сразу. Сначала проверила ответ в голове, потом еще раз. Когда заговорила, голос прозвучал выше, чем хотелось. Преподаватель переспросил. Вера повторила, привела пример, который придумала по дороге из дома. Он кивнул, добавил к записи несколько слов.

Надя незаметно толкнула ее локтем. На своем листке нарисовала маленький флажок. Вера едва не засмеялась посреди объяснения.

После пары не спешила складывать вещи. Хотелось запомнить доску, шум закрывающихся тетрадей, чужую сумку, загораживавшую проход. Еще весной все это было условным будущим: поступлю, уеду, начну. Теперь она сидела на настоящем жестком стуле, рука устала писать, за окном то-

поль касался стекла.

В коридоре остановилась у стенда с объявлениями. Нужны были старосты, участники каких-то кружков, люди, готовые помогать с праздником. Вера читала все подряд; даже переписала время собрания кружка, хотя еще не решила, пойдет ли.

Надя спросила, пойдут ли они есть. Вера кивнула, все еще глядя на стенд. Перед столовой увидела в стекле собственное отражение: волосы выбились, воротник стоял криво. Поправлять не стала. После первого ответа у большой доски казалось, что целый день идет немного легче, и портить это ощущение вниманием к воротнику было жалко.

На следующий день после занятий она пошла к Волге. Не по самой короткой дороге: свернула на улицу, где над окнами старого дома еще держались лепные раковины. В первом этаже темнела витрина. На ржавых кронштейнах висела половина вывески: «Гостини...».

Вера остановилась. За грязным стеклом виднелся стул, перевернутый сиденьем к стене, и светлый прямоугольник на обоях — там прежде что-то висело. Наверное, часы. Она представила маленькую стойку, чайник за занавеской, чистые полотенца. У людей, приезжающих в незнакомый город, должно быть место, где им объяснят, куда идти и где поесть. Не огромный отель с золотыми дверями. Несколько комнат, чтобы каждого узнавать по имени.

На набережной было ветрено. Вера убрала волосы за уши

и села на низкую каменную ограду. Вода шла медленно, с короткой рябью. На другом берегу что-то строили: издалика кран казался тонкой булавкой, которой прикололи к небу серую ткань.

Она достала расписание. Посмотрела на слова «экономическая теория», «математический анализ», «история». Пока все умещалось на одном листе. Нужно было просто приходиться на занятия, учить, сдавать. Эта ясность успокаивала.

Когда Вера вернулась, Надя стояла у зеркала и пыталась подкрасить ресницы, не открывая рта.

— У Ленки в конце октября день рождения. Пойдешь?

— Я ее не знаю.

— Так познакомишься. Ты же не только на анализ приехала.

Вера положила расписание на стол, аккуратно разгладила угол.

— Наверное, пойду.

Надя одобрительно кивнула и снова повернулась к зеркалу. Вера открыла тетрадь. За стеной кто-то смеялся, в окне отражалась ее лампа, а впереди оставался целый учебный год.

Глава 2

Вечер, который ничего не обещал

К концу октября Вера перестала считать этажи института. Нужная аудитория находилась сама: на втором повороте

налево пахло краской, перед кафедрой стоял расшатанный шкаф, у окна всегда курил один и тот же молодой преподаватель. Город понемногу складывался из узнаваемых мест. Булочная с дешевыми вчерашними слойками. Автомат, из которого было слышно мать, если она говорила громко. Лестница к реке, где после дождя скользили листья.

Однажды в воскресенье они с Надей дошли до центра пешком, чтобы не тратиться на проезд. Собирались только посмотреть витрины, но возле книжного лотка задержались надолго. Вера нашла старый сборник задач, раскрыла наугад, начала читать стоя. Продавец сказал, что за чтение денег не берет, если не перекрывают проход.

Надя перелистывала журнал с выкройками. Уверяла, что сможет сшить себе прекрасное пальто, если кто-нибудь одолжит машинку, ткань и умение. Вера засмеялась. Продавец тоже, не поднимая головы, и сделал им небольшую скидку на сборник.

Обратно несли покупку по очереди. Книга была тяжелая, обложка отставала. У киоска купили один пирожок на двоих: деньги берегли на вечер. Надиная половина оказалась с большей частью начинки, и она торжественно предложила произвести перерасчет.

Вера смотрела на подругу и чувствовала, как легко теперь бывает провести целый день без подробного отчета. Дома мать непременно спросила бы, куда ходили, с кем, почему так поздно. Здесь можно было случайно свернуть, задер-

жаться, вернуться с книгой, которую никто не собирался покупать утром.

Она потом все равно рассказала матери по телефону. Не потому, что требовалось разрешение, а потому, что хотелось услышать знакомое «нашла на что потратить». Людмила так и сказала, но без недовольства. Спросила, тепло ли в комнате, и велела не экономить на обеде.

Вера положила трубку и еще немного постояла возле автомата. Вечером она могла пойти куда угодно, а в воскресенье снова позвонить и рассказать матери, где была.

Перед днем рождения она снова открывала купленный сборник. На полях прежний владелец ставил крошечные вопросительные знаки. Несколько задач они с Надей решили вместе. Вера обвела ответы карандашом, представив, как когда-нибудь даст книгу другому первокурснику и сможет объяснить то, над чем сама сегодня просидела до полуночи.

На семинаре Вера объяснила задачу так уверенно, что преподаватель попросил остальных переписать решение с ее доски. Она села, чувствуя приятное тепло в щеках. Надя толкнула ее коленом.

— Отличница. Пойдем сегодня развращаться.

— Мы на день рождения идем.

— Я и говорю.

В общежитии Вера долго гладила блузку через влажную наволочку. Утюг был один на несколько комнат, шнур отходил, и приходилось держать его под определенным углом.

Надя предложила свою черную кофточку. Вера примерила и сразу сняла: в зеркале получилась девушка, которая старается выглядеть чужой.

— Ладно, — сказала Надя. — Иди в своей. Она у тебя приличная, как справка из поликлиники.

Вера рассмеялась, но на лестнице все-таки расстегнула верхнюю пуговицу.

День рождения праздновали у Ленкиного двоюродного брата, снимавшего двухкомнатную квартиру возле трамвайного кольца. Хозяин открыл в носках и с мокрыми руками. На кухне пахло жареной картошкой, в комнате кто-то пытался подключить магнитофон. На диване сидели незнакомые парни. Вера сразу пожалела, что пришла: они разговаривали легко, обращались друг к другу сокращенными именами, знали общие истории. Ей досталось место на табурете у шкафа.

Она подарила Ленке коробку конфет, выбранную вместе с Надей. Коробку тут же унесли на кухню, и оказалось, что больше Вера здесь ничем не занята. Она держала пустой стакан, боялась поставить его не туда и отвечала слишком подробно на простые вопросы.

— На каком учишься? — спросил парень в сером свитере.

— На первом. Экономический факультет, управление...

— Да я не анкету заполняю.

Он улыбнулся без злости. Вера все равно смутилась.

— Денис, — сказал он. — Я на третьем. Уже почти старик.

— А ведешь себя?

— Как первокурсник. Это проблема.

Она рассмеялась. Денис сел рядом на край подоконника. Он был не самым красивым в комнате, но умел смотреть на человека так, словно ждал именно его ответа. У него на костяшке пальца белел маленький шрам. Вера заметила его, когда он открыл бутылку, и почему-то запомнила.

Потом было шумнее. Кто-то опрокинул салат, с кухни принесли нож, чтобы поддеть застрявшую кассету, хозяйский кот вытащил из пакета кусок колбасы. Надя спорила с высоким мальчиком о том, стоит ли вообще заканчивать институт, если все равно придется торговать на рынке. Денис слушал, улыбаясь.

— Ты тоже гостиницу откроешь? — спросил он Веру.

— Кто тебе сказал?

— Ты. Минут пятнадцать назад.

Она поняла, что действительно рассказывала. Он не просто дождался очереди говорить, а услышал.

— Не знаю, открою ли. Мне нравится, когда человек приезжает и ему спокойно.

— Со мной спокойно, — сказал Денис.

— Очень сомнительное заявление.

Он поднял руки, сдаваясь. Вера выпила вина. Оно было сладким и теплым, оставляло на языке густой привкус. От второго стакана ей стало легче смеяться. Когда включили медленную музыку, Денис протянул руку, и она взяла ее без

обычной паузы, за которую успевала придумать отказ.

Его ладонь оказалась сухой и теплой. Танцевать в тесной комнате приходилось маленькими шагами, огибая чужие ноги и табурет. Вера чувствовала, как блузка цепляется за его свитер. Ей нравилось, что он немного выше, что можно смотреть ему в плечо, когда не знаешь, куда деть взгляд.

— Ты все время думаешь, — сказал он.

— Это недостаток?

— Иногда мешает.

— Тебе?

Денис рассмеялся и наклонился ближе. Она почувствовала запах табака, мыла и шерсти. Поцелуй вышел неловким: кто-то толкнул их локтем, Вера задела зубами его губу. Он шепнул что-то смешное, и неловкость исчезла. Осталось желание, от которого она раньше привычно отворачивалась, чтобы не выглядеть глупой.

Позднее Надя нашла ее в коридоре.

— Мы с Лешкой вниз выйдем. Ты?

— Я пока здесь.

Надя посмотрела на Дениса, потом на нее. Не осуждающе, внимательно.

— Ты точно нормально?

— Да.

— Если что, позови.

Вера кивнула. Надя ушла вниз, из комнаты снова донеслась музыка. Денис спросил, останется ли она, и не притянул

к себе, пока не услышал ответ. Вера сама взяла его за руку. От вина шумело в голове, но ей хотелось именно этого — остаться с ним.

Потом, вспоминая этот вечер, она часто пыталась добавить к нему большую любовь. Так было бы легче объяснить самой себе. Но тогда ей просто нравился Денис. Нравилось, как он слушает, как касается ее волос. Она сама поцеловала его второй раз, уже не смеясь и не отворачиваясь.

Утром за стеной гремела посуда. Кто-то кашлял на кухне. Вера открыла глаза и некоторое время не могла понять, откуда на потолке коричневое пятно, которого дома не было. Денис спал, отвернувшись. Его рука лежала на смятой простыне, и белый шрам на пальце выглядел совсем детским.

Вера осторожно встала. На полу лежала ее блузка. Одной сережки не оказалось. Она присела, заглянула под кровать, нашла чужой носок, карандаш и металлическую крышку. Сережка блеснула у самой ножки. Пока Вера доставала ее, дверная ручка задвигалась. Она поспешно выпрямилась.

— Занято, — сказал проснувшийся Денис.

За дверью засмеялись.

— Да я помню, помню.

Вера почувствовала, как лицо начинает гореть. Денис потянулся, спросил, который час, и выглядел человеком, у которого началось обычное воскресенье.

— Ты чего такая серьезная?

— Нормальная.

— Чай будешь?

Она хотела. И одновременно хотела поскорее уйти, пока никто не посмотрел на нее слишком понимающим взглядом. В ванной был незнакомый кран: вода сначала обожгла, потом стала ледяной. Вера долго расчесывала волосы пальцами. На шее виднелось розовое пятно, которое блузка не закрывала.

На кухне Денис дал ей кружку с отколотой ручкой и хлеб с сыром. Разговаривал легко, по-дружески. Спросил, какие у нее занятия в понедельник. Она ответила и замолчала, ожидая, что теперь он скажет что-нибудь о них. Денис потянулся за хлебом.

— Телефон в общежитии есть? — спросил он.

Она написала номер на обороте старого чека, добавила номер комнаты. Цифры выводила слишком аккуратно.

— Позвоню, — сказал Денис и сунул чек в карман.

Он проводил ее до лестницы, поцеловал быстро, словно они давно так прощались. Дверь закрылась. Вера остановилась этажом ниже и проверила сережку: застежка держалась.

Снаружи было холодно. Ночью прошел дождь, у бордюра лежали тяжелые листья. Она дошла до остановки пешком, хотя могла сесть у самого дома. Хотелось побыть одной, привести мысли в порядок, но они не складывались в привычные правильные строки.

В общежитии Надя спала поверх одеяла. Одна туфля стояла у кровати, вторая исчезла. Вера тихо сняла куртку, нашла туфлю под столом и поставила рядом с первой.

— Нормально? — спросила Надя, не открывая глаз.

— Нормально.

— Точно?

Вера села на свою кровать.

— Не знаю пока.

Надя приподняла край одеяла.

— Иди сюда. Там холодно.

Они лежали рядом, каждая на своей половине узкой кровати. Вера смотрела на срезанные ножницами концы Надиной челки и думала, что Денис непременно позвонит. Он ведь сам попросил номер. Это что-нибудь да значит.

Глава 3

Две полосы

Сначала Вера считала дни машинально, как мелкие расходы. Два дня можно было не замечать. Четыре объяснить бессонной подготовкой. На шестой она вырвала листок из тетради, выписала числа и долго рассматривала получившийся столбик, словно ошибка пряталась в сложении.

Денис позвонил после вечеринки дважды. В первый раз она ждала у вахты, пока дежурная разыскивала ее по этажу. Во второй они поговорили минуты три: у него были какие-то дела. Потом он заходил в институтскую столовую, махал издалека, однажды сел рядом и взял с ее тарелки кусочек хлеба. Этот простой жест Вера приняла за близость. Надя ничего не сказала, только попросила передать соль.

О задержке Вера сначала не говорила никому. Ее пугало само произнесенное слово. Пока она молчала, сохранялись десятки объяснений: погода, перемена питания, переезд, усталость. Стоило сообщить Наде — и все объяснения пришлось бы проверить.

Тест она купила в аптеке возле вокзала, куда никто из институтских не ходил. В очереди перед ней мужчина подробно выяснял, какое средство поможет от простуды и чтобы недорого. Вера смотрела на полку с детским кремом. Когда подошла ее очередь, сказала так тихо, что аптекарша попросила повторить. Вера повторила. Женщина без всякого выражения положила коробочку на прилавок и назвала цену.

Удивительно было, что за вещь, способную изменить жизнь, полагалось заплатить и получить сдачу.

В общежитии она дождалась, когда коридор опустеет. Зашла в дальнюю кабинку, на двери которой не было крючка. Пришлось придерживать ее коленом. За стеной капала вода. Кто-то в соседней раковине стирал колготки, и от порошка щипало в носу.

Одну полоску Вера увидела сразу. Вторую сначала приняла за тень. Поднесла ближе к лампочке, отодвинула. Полоска не исчезала. На упаковке было написано, сколько ждать, но время вдруг перестало ощущаться. Она считала про себя, теряла счет и начинала снова.

В коридоре засмеялись. Девчонки обсуждали преподавателя, который пришел в разных носках. Вера знала его: на

прошлой неделе он хвалил ее решение. Это происходило в той же жизни. Она еще могла выйти и рассказать, как он однажды забыл собственную фамилию, представляясь группе. Только нужно было куда-то деть маленькую белую полоску в руке.

Она завернула тест в туалетную бумагу и положила обратно в коробку. Выбросить не смогла. Казалось, потом понадобится убедиться, что она ничего не придумала.

Надя встретила ее вопросом:

— Ты где была? Тебя искали.

Вера потянулась к молнии на груди, хотя куртка уже висела на крючке. Постояла у стула с пустыми руками.

— Надь.

Подруга повернулась. И сразу перестала жевать.

— Что?

Вера показала коробку. Надя посмотрела на нее, затем на закрытую дверь.

— Садись.

Они сели на разные кровати. Между ними оставался стол, на котором лежали две раскрытые тетради и апельсиновая кожура. Вера вдруг подумала, что тетради надо убрать: они могут испачкаться. Эта мысль была такой обыкновенной, что захотелось за нее удержаться.

— Может, ошибается, — сказала она.

— Может. Надо к врачу.

— А если не ошибается?

Надя потеряла лоб. Ей было столько же лет, и Вера впервые с испугом поняла: подруга тоже не знает ответа. Обычно Надя говорила так, словно устройство мира давно ей объяснили отдельно от остальных.

— Тогда будем думать дальше. Сейчас надо узнать точно.

На прием они записывались вместе. В регистратуре спросили документы, адрес, последний раз — когда. Вера ответила неправильно, поправилась и возненавидела себя за то, что путается в простых вопросах. Надя ждала в коридоре, читая объявление про вакцинацию, к которой не имела отношения.

Врач говорила спокойно. Уточняла, слушала, писала. Вера следила за движением ручки. Ей хотелось, чтобы женщина хотя бы удивилась: тогда можно было бы убедиться, что произошло нечто исключительное и от него существуют исключительные способы спасения. Но для врача это был рабочий день. Она объяснила, что требуется обследование, предложила подумать о дальнейших решениях и спросила, есть ли рядом человек, на которого Вера может опереться.

— Есть, — ответила Вера.

Имя человека не уточнила.

Когда вышла, Надя сложила прочитанный вдоль и поперек журнал.

— Ну?

Вера кивнула.

Они пошли пешком. Ветер загонял под воротник мелкий

снег, смешанный с дождем. У ларька мужчина разгружал ящики с мандаринами. Один плод выпал и покатился к дороге. Вера машинально остановила его ногой, подняла, протянула мужчине.

— Спасибо, девушка.

Он сказал это так же, как сказал бы вчера, и снова нагнулся к ящикам. Вера убрала липкую от мандарина ладонь в карман.

До общепития оставалось немного, когда Вера попросила зайти в магазин. Не было ни списка, ни нужной покупки; просто хотелось пройти между полок, где от нее требовался выбор понятного размера. Надя взяла корзину и пошла рядом.

У молочного отдела Вера долго сравнивала цены. Потом положила обратно обе упаковки, потому что не могла вспомнить, есть ли у них место на общей полке холодильника. Надя взяла одну, напредила, что утром сама выкинула пустую.

Они купили хлеб, чай, яблоки. У кассы перед ними стояла женщина с девочкой в красной шапке. Ребенок просил что-то с нижней полки, мать отвечала устало. Девочка начала плакать, потом неожиданно согласилась поддержать чек и успокоилась.

Вера смотрела, как маленькая рука разглаживает длинную белую бумагу. До этого ребенок представлялся ей либо совсем младенцем, либо уже человеком, которому можно рассказать, что случилось. Между этими двумя образами лежа-

ло огромное неизвестное время. Придется знать, когда он голоден, что ему страшно, зачем нужен чек. И каждый день приносить домой покупки, даже если сама не хочешь никого видеть.

Она заметила собственную мысль о Денисе: может быть, он как раз умеет находить с детьми общий язык. Вечером на празднике смешил Ленкину младшую родственницу. Вера тут же ухватила за это воспоминание, сделала его важнее, чем оно было. Надя спросила, нужен ли пакет, и вернула к кассе.

На улице распределили покупки. Подруга хотела взять тяжелое, Вера не отдала. Потом сама попросила поменяться, потому что ручки врезались в пальцы. Ни одна не стала комментировать.

У входа в общежитие кто-то придержал дверь. Вера поблагодарила, поднялась наверх, положила хлеб на стол. Все происходило теми же движениями, что вчера. Можно было даже поверить, что она просто сходила за покупками. Только коробочка в кармане мешала сесть.

Вечером Надя заварила чай. Сначала спросила, хочет ли Вера есть. Потом — знает ли Денис. Вера покачала головой.

— Позвоню ему.

— Позвони.

— Он неплохой.

Надя пододвинула сахарницу.

— Я ничего не сказала.

Вот это было хуже всего. Вера заранее защищала его от обвинения, которого еще никто не выдвинул.

Они долго обсуждали то, что раньше касалось только других: обследования, деньги, родителей, учебу. Надя слушала, иногда возражала, но уговаривать ни на что не стала. Несколько раз выходила на кухню и возвращалась с вещами, которых не просили: полотенцем, яблоком, ложкой. Вера взяла у нее яблоко и подержала в ладонях, прежде чем откусить.

— Я, кажется, хочу оставить, — сказала она наконец.

Надя замерла с ложкой в руке.

— Ты подумала?

— Я весь день только об этом.

— День — мало.

Вера понимала. Она еще не представляла ни родов, ни ночей, ни стоимости детской одежды. Представляла лишь крошечную возможность жизни, которую уже ощущала своей ответственностью. Это было не ясное, торжественное чувство. В нем мешались страх, упрямство, одиночество, желание, чтобы Денис теперь непременно остался, и смутная нежность к тому, чего она пока даже не могла увидеть.

— Я еще подумаю, — ответила она. — Но, кажется, да.

Надя положила ложку.

— Тогда сначала скажи ему. И не обещай ничего за двоих.

Ночью Вера лежала на спине, боясь повернуться, хотя понимала нелепость этого страха. В комнате посапывала третья

соседка, наконец приехавшая после затянувшейся болезни. За стеной скрипела кровать. У кого-то заиграла музыка, потом сразу стихла после стука по батарее.

Вера положила ладонь на живот. Там ничего не изменилось. Блузка по-прежнему застегивалась, ремень не жал. Но между сегодняшним вечером и следующим летом возникла дорога, на которой не было расписания.

Утром она открыла конспект. До зачета оставалось три недели. На полях аккуратным ее почерком было написано: «При прочих равных условиях». Вера перечитала эти слова несколько раз и впервые заметила, как много в учебнике зависело от того, чтобы все остальное оставалось прежним.

Глава 4

Чужая проблема

Денис ждал у бокового входа, где преподаватели оставляли машины. При виде Веры улыбнулся и посмотрел на часы. На нем была куртка с оторванной кнопкой; из кармана торчала тетрадь. Он выглядел до обидного знакомо, словно между ними ничего не произошло и они просто договорились вместе пообедать.

— Что за срочность? По телефону прямо секреты государственной важности.

Вера сначала хотела пойти с ним в столовую. Там было тепло, можно было занять руки стаканом и говорить, глядя мимо. Теперь поняла, что до столовой не дойдет.

— Я беременна.

Денис перестал улыбаться. Посмотрел через ее плечо на дорожку, по которой шли две девушки.

— Ты уверена?

— Была у врача.

— И что?

Она не приготовила ответа на этот вопрос. Все, что продумывала ночью, начиналось после его слов: «Не бойся». Вера представляла, что он растеряется, сядет, скажет, что нужно сообразить. Но он стоял и ждал продолжения, как от человека, который принес неполный документ.

— Что значит «и что»?

Денис опустил голос.

— Ты потише. Я пытаюсь понять.

Снег у стены потемнел от автомобильного дыма. Вера смотрела на круглый след, оставленный чьей-то подошвой. Она сама только что стояла на этом месте, пока ждала его, и не знала, что через минуту будет стыдиться своего голоса.

— Нужно решать, как дальше, — сказала она. — Я хочу оставить ребенка.

— Подожди. Ты уже все решила, а мне сейчас сообщай?

— Я поэтому и пришла поговорить.

— А что тут говорить, если ты уже решила?

Мимо прошел преподаватель. Денис поздоровался с ним слишком бодро. Вера почувствовала нелепое желание то-

же поздороваться, чтобы никто не подумал, будто она стоит здесь с дурными намерениями.

Они отошли за угол. Денис закурил, повернувшись от ветра. Вера смотрела на белый шрам у его ногтя и ждала, когда знакомая подробность поможет узнать человека перед ней.

— У меня институт, — сказал он. — Диплом через год. Денег нет. Ты сама подумай.

— У меня тоже институт.

— Именно.

Он сказал это с таким облегчением, словно она наконец подтвердила его правоту.

Вера объяснила, что не просит немедленно жениться, хотя еще вчера хотела попросить именно этого. Можно вместе поговорить с родителями, найти работу, узнать про учебу. Она произносила слова все быстрее. Издалека их разговор, наверное, выглядел как обычная студенческая ссора.

— Я могу денег занять, — сказал Денис. — Сколько там надо? Ну, чтобы решить.

Вера молчала.

— Я не миллионер, но постараюсь.

— Ты предлагаешь мне деньги?

— Я предлагаю не портить жизнь всем сразу.

Он отвел глаза. Она увидела, как у него дергается мышца возле рта. Денису тоже было страшно. На несколько секунд Вера почти почувствовала к нему жалость, и именно тогда он сказал:

— И вообще, откуда я знаю, что это от меня?

Слова оказались неожиданно легкими. Он произнес их и страхнул пепел. Вера ждала, что за ними последует что-то еще, извинение хотя бы, но он смотрел на нее настороженно, проверяя, сработало ли.

— Ты знаешь, — ответила она.

— Я ничего не знаю.

Она вдруг перестала мерзнуть. Руки оставались холодными, нос саднило, но все это отодвинулось. Вера поняла, что сейчас может ударить его. Представила короткое движение, красный след на щеке, его удивление. Вместо этого спросила:

— Ты хоть один раз подумал обо мне?

Денис тяжело вздохнул, словно вопрос был нечестным.

— Вера, мне на пару надо.

Он выбросил сигарету, постоял, ожидая, что она его отпустит, и ушел без этого разрешения.

В столовой она купила компот. Пить не стала. Поставила стакан перед собой и смотрела, как на дне медленно оседает вареная слива. Через десять минут появился Денис с двумя приятелями. Теперь он никуда не спешил. Вера поднялась раньше, чем он ее заметил.

Надя вечером заметила, что Вера несколько раз переставляет один и тот же стакан. Сначала со стола на подоконник, потом обратно. Не спросила, зачем. Подвинула стул, села ближе.

— Он отказался?

Вера кивнула. Потом рассказала. Не все сразу: приходилось останавливаться на самых простых словах. Когда дошла до вопроса об отцовстве, Надя тихо выругалась. Вера выдохнула и смогла наконец посмотреть подруге в лицо.

Подруга встала, начала что-то искать в ящике. Достала нитки, пуговицу, свою куртку.

— Я утром оторвала. Сейчас выйдем, а то опять забуду.

— Куда выйдем?

— За хлебом хотя бы. У нас кончился.

Вера села рядом. Надя пришивала торопливо, узел никак не затягивался. Тогда Вера взяла иголку сама, отпоролла неудачный стежок, продела нитку заново. Пальцы делали знакомое, пока голова продолжала слышать Денисово «откуда я знаю».

— Подержи вот здесь.

Надя подержала. Пуговица получилась чуть выше прежнего места, пришлось переставить. Подруга уверяла, что сойдет, Вера все равно исправила.

— Теперь можно за хлебом, — сказала, возвращая куртку.

На лестнице Надя вспомнила объявление о юридической помощи, которое видела в переходе. Не обещала, что там все решат. Только предложила узнать. Вера слушала вполуха, потом попросила повторить.

В магазин дошли уже в темноте. Купили батон, долго вы-

бирали что-нибудь к нему и наконец взяли дешевый сыр. На обратном пути Надя замерзла, застегнулась до горла. Новая пуговица держалась.

Вера заметила эту мелочь и ощутила усталое удовлетворение. Хотя что-то за день она сделала достаточно хорошо. А завтра можно было найти объявление, записать часы и пойти туда, где ее историю хотя бы обязаны будут дослушать.

В юридическую приемную ее отвела Надя. Объявление висело в институтском переходе: помощь оказывали студенты старших курсов под присмотром преподавателя. За столом сидел худой парень в очках и перебирал папки. Вера рассказала все почти без интонации. Слово «беременность» произнесла тише остальных.

Парень не стал утешать. Спросил, не состояли ли они в браке, известны ли адрес и полное имя Дениса, сохранились ли письма. Объяснил, что после рождения ребенка можно обращаться в суд, что отказ мужчины сам по себе не закрывает такую возможность. Вера записывала. Ей нравилось, что здесь существуют названия, сроки, последовательность действий. Однако потом она спросила, сколько все это займет, и ясность закончилась.

— По-разному, — сказал парень. — Сейчас не обещаю. Но возможность у вас есть. Не теряйте документы и приходите еще.

Он дал листок с перечнем того, что стоит подготовить. Вера сложила его вчетверо. Снаружи Надя спросила:

— Ну как?

— Можно.

Это короткое слово на несколько дней вернуло ей силы.

Она написала Денису письмо. Не любовное. Сообщила, что собирается рожать, что после рождения будет добиваться установления отцовства и участия в расходах. Переписывала три раза, убирая просьбы и обиды. Отдала через знакомого старшекурсника, а потом весь вечер испытывала тошнотворное чувство, будто совершила неприличный поступок.

Через два дня Веру позвали к телефону. Дежурная по этажу крикнула фамилию так громко, что высунулись соседки.

— Девушка, вы мать Дениса беспокоите, — сказала трубка.

Вера прижала ее плотнее.

— Я ее не беспокоила.

— Меня не надо учить. Мне сын все рассказал. Вы ему угрожаете.

На заднем плане работал телевизор. Женщина говорила негромко и уверенно, и от этого Вера невольно выпрямилась, как в школьном кабинете.

— Я не угрожаю. Я прошу...

— Вы сначала со своими родителями поговорите. Они вообще знают, чем вы занимаетесь в чужом городе?

Вера не ответила. Вахтерша рядом перелистывала журнал и делала вид, что не слушает.

— Институт у вас хороший, — продолжала женщина. — Зачем себе репутацию портить? С людьми надо по-хорошему. А если начнете позорить моего сына, разговор будет другой.

После коротких гудков Вера еще держала трубку. Ей было стыдно повернуться к вахтерше. Стыдно за то, что женщина могла слышать слова «чем вы занимаетесь». Она не понимала, как отнять у чужого голоса эту власть над собой.

— Закончила? — спросила вахтерша.

— Да.

— Тогда повесь. А то линия занята.

В комнате Вера открыла тетрадь расходов. Написала стоимость билета домой. Подчеркнула. Потом набрала в автомате домашний номер. Мать ответила не сразу: наверное, вытирала руки о полотенце, прежде чем подойти.

— Мам, я на праздники приеду.

— Конечно, приезжай. Мы думали, раньше.

Обыкновенная материнская радость прорвала то, что весь день держалось само. Вера закрыла глаза и вцепилась в край телефонной полки.

— Мам, мне поговорить надо.

— Что случилось?

— Дома скажу.

Она повесила трубку и долго стояла возле автомата. В институтском переходе открывали дверь на улицу; каждый раз по полу проходила волна холода. Дома была кухня, где она

знала каждый ящик. Мать, которая могла определить по ее шагам, в каком она настроении. Отец, который никогда не обещал лишнего, но умел починить все, что ломалось. Там можно будет рассказать целиком. Хотя бы там ее выслушают до конца.

Глава 5

За семейным столом

Мать открыла дверь в фартуке, повязанном наспех, поверх домашней кофты. Увидев сумку, первой взяла ее за ручку.

— Замерзла? Руки ледяные.

Вера стояла на коврике и не могла расстегнуть молнию. В прихожей пахло печеным тестом и мокрой шерстью. На крючке висела ее старая школьная куртка: мать не убрала, будто Вера все еще могла прибежать с уроков, бросить портфель и попросить есть.

— Папа где?

— В гараже. Сейчас придет. Ты проходи.

Людмила прикоснулась щекой к ее щеке. Это короткое движение почти заставило Веру рассказать сразу, у двери. Но мать уже несла сумку в комнату, спрашивала про дорогу, перечисляла, что приготовила. Вера позволила разговору двигаться без нее. Хотелось получить еще полчаса прежней жизни.

На кухне лежали ряды пельменей. Мать раскатывала оче-

редной кружок, клала начинку, зашипывала края. Вера вымыла руки и встала рядом. Пальцы помнили работу лучше, чем голова. Из ее пельменей всегда выступал один уголок, сколько бы мать ни показывала правильный способ.

— Похудела, — заметила Людмила.

— Нормальная я.

— Вы там хоть суп варите?

— Варим.

— На чем?

Вера улыбнулась. Мать тоже. Между ними лежала доска, присыпанная мукой, и несколько секунд все действительно было хорошо.

Отец пришел, громко стряхивая снег с ботинок. Спросил про зачеты, про преподавателей, про стоимость проезда. Вера отвечала подробно. Ему нравились обстоятельные ответы: сколько человек в группе, какой экзамен первый, сколько денег остается от стипендии. Когда она сказала про хорошую оценку, Павел кивнул с тем сдержанным удовлетворением, которое в детстве заменяло ей любое «молодец».

Ужинали втроем. По телевизору в комнате шла старая комедия, и за открытой дверью то и дело смеялись. Мать поставила перед Верой тарелку. От горячего мяса поднялся запах, от которого ее повело. Она незаметно отодвинулась.

— Что не ешь? — спросил отец.

— Сейчас.

Он посмотрел на нее. Вера потянулась за хлебом, уронила

кусок на клеенку и вдруг поняла, что дальше откладывать нельзя.

— Мне вам сказать надо.

Мать перестала разливать чай. Крышка чайника съехала набок.

— Я беременна.

Павел медленно положил вилку. Телевизор за стеной все еще смеялся, и Вера ждала, когда кто-нибудь выключит его, потому что этот смех мешал услышать ответ.

— Что? — спросил отец.

Она повторила.

Людмила села, не сняв фартука. Несколько раз провела ладонью по клеенке, будто на ней осталась мука.

— От кого?

Вера назвала Дениса, объяснила, где он учится. Говорила ровно. Отец слушал, не перебивая, и это сначала показалось хорошим знаком.

— Жениться собирается?

— Нет.

Павел посмотрел на жену. Вера знала этот взгляд: сейчас два взрослых человека молча согласуют, насколько серьезно она провинилась.

— Я к вам приехала не замуж проситься, — сказала она.

— Мне помощь нужна.

— Вот именно, что помощь, — ответил отец. — Ума хватило сделать, теперь помощь.

— Паша, — тихо сказала мать.

Он поднял руку, не глядя на нее.

— Я ее учиться отправлял. Мы с тобой на чем сэкономили? У меня сапоги третью зиму текут, я молчу. Потому что дочь поступила. А дочь чем занимается?

Вера сидела, прижав колени друг к другу. Ей хотелось сказать, что хорошая оценка никуда не исчезла. Что она все еще учится, решает задачи, встает утром на первую пару. Но это звучало бы сейчас почти смешно.

— Я не нарочно, — сказала она.

Отец резко отодвинул стул.

— А кто нарочно? Нарочно-то никто. А живут потом родители.

Мать начала задавать вопросы о сроке, о враче, о том, что можно сделать. Каждый вопрос был понятен сам по себе. Вместе они оставляли Вере все меньше места. Людмила говорила тихо, почти ласково, и от этой ласковости становилось особенно холодно.

— Ты совсем молоденькая. Не понимаешь, что это такое. Мы подумаем. Деньги найдем.

— Я хочу родить.

Мать закрыла глаза.

Павел прошелся до двери и обратно. Под ногой скрипнула знакомая доска; в детстве Вера старалась перепрыгивать ее, когда ночью шла за водой.

— А жить где будешь?

— Пока в общежитии.

— С ребенком?

— Не знаю еще. Узнаю.

— Все не знает. Зато рожать знает.

Она посмотрела на мать. Людмила глядела в тарелку.

— Я думала, вы поможете хотя бы сначала.

Отец перестал ходить.

— Ты сама решила — сама и живи. В этот дом с таким не надо.

Сначала Вера не поняла. Дом стоял вокруг нее: подоконник с облупившейся краской, чайная ложка с отогнутым краем, ее чашка с лисой. Как можно было не надо в то место, где все эти вещи знали ее руки?

— Паша, ну не так, — сказала мать.

Вера ждала, что за этим последует другое решение. Людмила подняла голову.

— Ты должна понять нас тоже. Люди же... Я в школе работаю. Он всю жизнь здесь. Ты приедешь, а нам тут жить.

Вера вытерла ладони о брюки. Они были влажными. Она сказала:

— Поняла.

Это было неправдой. Ни одного из двух человек напротив она сейчас не понимала.

Со стола убирали молча. Вера подняла тарелки, понесла к раковине. Мать не остановила. Только отодвинула нож, который лежал лезвием к проходу, и стала складывать остав-

шуюся еду.

Вода сначала шла холодная. Вера держала руки под струей, пока не стало теплее, выдавила на губку слишком много средства. На стекле над раковиной темнела наклейка, прилепленная ею еще в школе. Мать несколько лет обещала отмыть следы, потом привыкла.

В комнате отец включил телевизор тише. Оттуда донеслись новости, затем короткий смех. Вера вдруг вспомнила, как в детстве получила двойку и тоже ждала, когда голос диктора закончится, чтобы признаться. Тогда отец сердился, заставил переписать работу, потом принес чай и долго стоял рядом, проверяя решение. Он умел вернуться после гнева. Она все еще ждала этого движения.

Людмила поставила возле раковины чашку. Вера взяла. На дне остался чайный лист, который никак не смывался, она вытерла пальцем.

— Я сама дальше, — сказала мать.

Вера не отдала губку.

— Уже почти.

Они оказались слишком близко, плечом к плечу. В обычный день мать попросила бы подвинуться и легонько толкнула бедром. Сейчас обе стояли неподвижно, как люди в чужой тесной кухне.

Вера посмотрела на мокрые руки Людмилы. Очень хотелось положить свою ладонь поверх, не спрашивать ничего сложного, просто дождаться, чтобы та повернулась. Но после

каждого мысленного движения возникал страх нового отказа. Она сполоснула последнюю чашку, поставила сушиться вверх дном.

Мать дала полотенце.

— Ты иди.

Вера вытерла руки тщательно, каждый палец отдельно. Потом повесила полотенце на знакомый крючок. В комнате ее ждали сумка, старый письменный стол и несколько школьных книг. Дверь закрывать не стала: так оставалась возможность услышать, если кто-нибудь все-таки позовет обратно.

Ночью спала в своей комнате. Мать принесла чистое белье, хотя постель и так была чистая, и долго заправляла подушку. Вера лежала лицом к стене. За стеной родители говорили вполголоса; слов почти не было слышно, только низкий отцовский голос и более тонкий материнский. Вера вспомнила, как болела в девятом классе, как мать сидела здесь же, на краю кровати, и читала вслух состав лекарства, потому что молчать ей было страшно.

— Мам, — сказала она, когда Людмила уже направилась к двери.

Та остановилась.

Вера хотела спросить: если я останусь такая, ты все равно моя мама? Но вопрос вышел бы слишком большим, а ответа она уже боялась.

— Выключи в коридоре. Свет мешает.

— Хорошо.

Утром отец ушел раньше обычного. Вера слышала, как он открыл калитку, потом вернулся за чем-то и опять вышел. Можно было встать, догнать, сказать, что боится. Она не встала.

Мать приготовила завтрак. Спросила, на каком автобусе Вера поедет. Сложила ей хлеб, сыр, два яйца, завернув каждое отдельно. Двигалась так, будто провожала после обычных выходных. Вера сама натянула сумку на плечо.

У двери мать наконец обняла ее. Вера на секунду прижалась, и внутри с болью шевельнулась надежда. Сейчас Людмила скажет: оставайся, потом разберемся. Но мать только поправила ремень сумки.

— Ты береги себя.

Павел стоял во дворе возле гаража. Увидел ее, отвернулся к открытой дверце. Вера прошла мимо. У калитки задержалась, делая вид, что поправляет ботинок. Отец не позвал.

Деньги она нашла в автобусе. Полезла за платком, а там лежали купюры, сложенные в знакомый материнский прямоугольник. Вера достала их и долго держала на коленях. Хотела разозлиться, выбросить, вернуть немедленно. Потом пересчитала, потому что ей нужно было знать, на сколько хватит.

От этого стало так стыдно, что она повернулась к стеклу и закрыла лицо ладонью. За окном отступали низкие дома, заборы, родная остановка. Автобус подпрыгнул на яме. Вера прижала вторую руку к животу и впервые подумала, что

возвращаться теперь действительно некуда.

Глава 6

Место, которое придется оставить

После праздников Вера долго не разбирала сумку до конца. Грязную одежду переложила в пакет, продукты убрала, а остальные вещи оставила как есть. Сумка стояла под кроватью и мешала выдвигать ящик. Надя дважды об нее споткнулась, но ни разу не попросила убрать.

В институте начались зачеты. Вера сдавала почти все с первого раза. Знакомые строки учебника еще слушались ее: можно было прочесть, выписать, запомнить, получить результат. На экзамене по математике преподаватель полистал работу и сказал:

— Вам бы дальше этим заниматься.

Вера поблагодарила и вышла в коридор. За дверью сидели студенты, повторявшие формулы по затертым листкам. Она прошла мимо них с пятеркой в зачетке и ощущением, что только что получила билет на поезд, которым не сможет воспользоваться.

В феврале начала искать подработку. Переписывала номера с объявлений у рынка. В одном месте требовалось раскладывать по конвертам рекламные листовки, но сначала купить материалы. В другом хозяйка долго объясняла, как важно быть порядочной, потом предложила работать до полуночи, если покупателей много. Вера вышла, не дослушав. В

третьем брали мыть полы по вечерам. Она попробовала два раза и после второй смены долго сидела на лестнице, ожидая, когда пройдет слабость.

— Ты врачу сказала? — спросила Надя.

— Что я полы мыла?

— Что тебе плохо.

Вера пожала плечами. На приемах она старалась выглядеть благополучнее, чем была. Чистый воротник, сложенные по порядку бумаги, спокойные ответы. Ей казалось, если врач увидит в ней неумелую испуганную девочку, непременно спросит, как же она будет растить ребенка. Но на следующем приеме она все-таки рассказала про слабость.

Живот сначала выдавал только тесный пояс. Она перешила пуговицу на брюках, потом перестала застегивать пальто на нижнюю. В общежитии уже знали. Кто-то спрашивал прямо, кто-то делал вид, что не замечает. Девушка с соседнего потока принесла большое платье сестры и объяснила, как его можно ушить после родов. Вера поблагодарила слишком горячо; девушка смутилась, словно подарила больше, чем собиралась.

Однажды перед семинаром две однокурсницы разговаривали у окна. Вера услышала свою фамилию и замедлила шаг.

— Отличница называется. Такая правильная была.

— Они самые и есть.

Вера прошла к своей парте. Говорившая посмотрела на нее с легким вызовом: ну и что? Преподаватель, вошедший

следом, все слышал или мог слышать. Он раскрыл журнал и начал занятие. Это равнодушное движение почему-то ранило сильнее слов.

Через полчаса Вера ответила у доски. Сделала ошибку, которой никогда раньше не делала, и одна из девушек тихо засмеялась. Вера исправила, села. Под столом у нее дрожали ноги.

— Дуры, — шепнула Надя.

— Я знаю.

— Тогда не слушай.

Вера знала и это. Только услышанное невозможно было вернуть тем, кто произнес.

Весной она пошла в деканат. Женщина за столом внимательно посмотрела на ее справки, объяснила порядок академического отпуска. Говорила деловито, без удивления. Вера спросила про общежитие, про проживание после рождения, про возможность ходить на часть занятий. Ответы были отдельные, каждый требовал еще одного кабинета и еще одного разговора.

— Восстановиться потом можно, — сказала женщина. — Смотрите по обстоятельствам. Главное, документы не теряйте.

Вера вышла, прижимая папку к груди. Место для нее сохранялось. Она могла вернуться на лекции — если кто-нибудь останется с ребенком. Могла готовиться к экзаменам — если найдет, чем платить за комнату. На эти вопросы не от-

ветили ни в одном кабинете.

Надя предложила первое время помогать. Вера кивнула и на несколько часов позволила себе представить, что все решено. Потом Надя уехала домой из-за болезни матери и вернулась измученная, с красными глазами. Вера слушала ее рассказ о больнице, о младшем брате, который ничего не мог найти в холодильнике. Уже собралась спросить, когда подруга снова уедет, но увидела, как Надя трет глаза, и поставила чайник.

В один из последних дней перед оформлением отпуска Вера пошла в библиотеку. Нужно было сдать книги, за которые скоро начнут спрашивать. Библиотекарша принимала их по одной, раскрывала на нужной странице, сверяла номера. Из учебника по статистике выпала записка с Надиным рисунком: длинноногая птица в очках стояла перед доской. Под ней было написано имя преподавателя.

Вера успела подхватить листок. Женщина за стойкой подняла глаза и улыбнулась совсем слегка, будто такие птицы попадались ей каждый год.

— Эту продлевать будете?

На стойке оставалась «Экономическая теория». Свой экземпляр Вера купила у старшекурсницы, библиотечный брала из-за другого издания. Открыла на странице, где еще в ноябре застряла закладка. Тогда она сердилась, что не понимает длинное определение с первого прочтения. Теперь хотелось сесть за библиотечный стол и разбираться в нем до

самого закрытия.

— Нет, — ответила она. — Сдам.

На улице дождь пригнал студентов под козырек. Вера стояла вместе со всеми и некоторое время слушала разговор о предстоящем экзамене. Кто-то ругал преподавателя, кто-то предлагал собраться и готовиться вместе. Она почти сказала, что у нее хорошие конспекты. Но не хотелось после этого объяснять, почему сама не придет.

Потом все-таки сказала. Парень с ее потока спросил, можно ли переписать, и они договорились встретиться завтра. Ничего другого ему не понадобилось: ни обстоятельств, ни отцовства, ни оценки ее будущего.

Вера вернулась в общежитие мокрая до колен. Вытащила тетради, проверила, чтобы не попали самые личные листки. Надя посмотрела из-за учебника:

— Жалко отдавать?

— На два дня.

— Я не про это.

Вера поняла. Разложила тетради по порядку, расправила загнутый угол. Да, было жалко. Но завтра кто-то откроет ее записи и сможет разобраться. Эта маленькая польза осталась от жизни, которая еще совсем недавно казалась единственно возможной.

Комнату искали через знакомых. Вахтерша Валентина Петровна несколько дней делала вид, что не замечает Вериних поисков, потом подозвала к окошку.

— У Зинаиды, моей знакомой, угол сдается. Небогато, но не подвал. Спросить?

— Спросите, пожалуйста.

— Только ты ей сразу скажи. А то потом начнется.

Вера понимала, что именно нужно сказать сразу.

Зинаида жила на четвертом этаже старого дома без лифта. Комната оказалась проходной, с занавеской вместо второй двери. На стене висел ковер, под ним стоял узкий диван, продавленный посередине. Хозяйка объяснила, какие полки можно занять и сколько раз в неделю разрешено стирать. Потом посмотрела на живот Веры.

— Кричать будет, конечно.

— Будет, — сказала Вера, сама удивившись спокойствию.

Зинаида вздохнула.

— Ладно. Пока посмотрим.

В мае Вера собирала общежитские вещи. Тетради складывала отдельно, учебники перебирала по одному. «Экономическую теорию» оставила, хотя книга была тяжелая. Конспекты перевязала шнурком, чтобы не рассыпались. На первой странице одной тетради лежал сухой лист, принесенный с набережной в сентябре. Вера взяла его за черешок, и край рассыпался.

— Потом вернешься, — сказала Надя.

— Конечно.

Обе произнесли это слишком быстро.

Надя помогала без лишней бодрости. Вытерла подокон-

ник, отмыла Верин судок, оставшийся от материнских котлет, нашла вторую перчатку. Когда все было готово, села на пустую кровать.

— Я боюсь, что ты там совсем одна будешь.

Вера села рядом. Между ними лежала свернутая наволочка.

— Я тоже.

Надя обняла ее за плечи. Вера не плакала. Она уже заметила, что большие перемены иногда проходят сухо, а потом можно разрыдаться, не найдя ложку в незнакомом ящике.

Ключ Валентина Петровна приняла, записала что-то в журнале и неожиданно сказала:

— Ты, если совсем плохо, зайди. Не обещаю ничего. Но зайди.

Вера кивнула. На улице было тепло. В окнах общежития сохли полотенца, кто-то спустил на веревке пакет. Из раскрытой форточки кричали приятелю, чтобы купил хлеба. Место, которое она оставляла, продолжало жить своей шумной, неудобной, общей жизнью.

Сумку до остановки донесла Надя. Вера держала папку с документами и все время проверяла, не выскользнула ли из нее справка. Теперь возможность когда-нибудь вернуться умещалась в нескольких листах. Она прижимала их к себе осторожно, пока автобус не открыл двери.

Глава 7

Лето без встречающих

В июле в палате было душно даже ночью. Форточка открывалась только наполовину, и женщины по очереди просили оставить ее как есть или немедленно закрыть. Вера лежала у стены. Соседка возле окна привязала к решетке пакет с абрикосами, чтобы не ставить на пол, и пакет медленно покачивался каждый раз, когда кто-нибудь проходил мимо.

До рождения ребенка оставалось совсем немного, хотя само это «немного» могло вместить часы, которых Вера не умела измерять. Она пыталась запомнить, что говорят сотрудники, отвечала на вопросы, терпела, просила помочь. В какой-то момент прежняя Вера, способная рассуждать о будущей жизни, отодвинулась. Осталась работа, которую следовало делать сейчас, и чужие голоса, за которые можно было держаться.

Когда девочку положили рядом, Вера сначала увидела только сморщенное лицо и влажные темные волосы. Соня сердито открывала рот. Вера ждала мгновенного узнавания, о котором читала, и испугалась, что его нет. Перед ней был ребенок — ее ребенок, — но совершенно незнакомый.

— Девочка, — сказала женщина рядом.

Вера кивнула, как будто требовалось подтвердить полученную посылку. Потом маленькие пальцы с неожиданной силой зацепились за ее кожу, и она подумала: так вот ты какая.

Первые сутки распались на короткие отрезки. Сон, из ко-

торого выдергивали шаги. Кормление, которому пришлось учиться. стакан теплой воды. Вопрос, заданный слишком поздно, когда человек в белом халате уже ушел. Вера смотрела на других матерей, стараясь понять по их движениям, что положено делать, и обнаруживала, что они тоже спрашивают.

Соседку звали Катя. Ей без конца звонил муж. Она сердито объясняла ему, где лежат чистые вещи, затем клала телефон и улыбалась.

— Ничего без меня найти не может.

Вера тоже улыбалась. Ей представлялся мужчина в растерянном доме, который открыл сразу все ящики и стоит посреди разбросанных рубашек. Нелепое, теплое зрелище. Она была бы согласна помогать ему искать любую вещь, лишь бы он потом спросил, как она себя чувствует.

Днем разрешили позвонить. Вера набрала домашний номер, дослушала до третьего гудка и положила трубку. Представила, как мать вытирает руки, идет из кухни, спрашивает «алло», а потом наступает пауза. Нужно будет самой произнести, что родилась внучка. Нужно будет дожидаться ответа. На это у нее сейчас не было сил.

Наде сообщила коротко. Та вскрикнула так громко, что Вера отодвинула трубку.

— Красивая?

— Пока сердитая.

— Значит, наша.

После разговора Вера неожиданно засмеялась, а потом заплакала. Слезы текли без всякой связи с мыслями. Она вытирала их краем простыни и извинялась перед сотрудницей, вошедшей в палату.

— За что извиняешься? — спросила та. — Воды будешь?

К вечеру Вера различала Сонькин голос среди других. Даже когда дочь спала, прислушивалась. Подходила, проверяла одеяло, поворачивалась к кровати и тут же возвращалась. Маленькое лицо менялось от каждого движения: вот губы стали как у отца Веры, вот складка между бровями — совсем ее собственная. Дениса она не искала. Если что-то и было похоже, предпочитала не замечать.

Однажды ночью Вера проснулась от тишины и сразу испугалась. В палате горела слабая лампа, край шторы лежал на подоконнике. Соня спала. Убедившись в этом, Вера не легла обратно: сидела и смотрела на крошечную полоску волос над лбом.

Катя зашевелилась на соседней кровати. Спросила шепотом, который все равно оказался громким:

— Тоже проверяешь?

Вера кивнула. Соседка показала на собственную дочь, потом на часы.

— Я уже третий раз. Сейчас мне опять скажут, что отдыхать надо.

Они тихо засмеялись. Катя достала пакет с абрикосами, выбрала два, вымыла в маленькой раковине и один протяну-

ла Вере. Абрикос был жесткий, с зеленоватым боком. Вера ела его над салфеткой, стараясь не хрустеть слишком громко.

— Муж выбирал, — сообщила Катя. — Красивые взял. Чтобы на картинке.

Вера хотела спросить, как они познакомились, давно ли живут вместе, но побоялась ответного вопроса. Соседка сама заговорила про квартиру: переехали недавно, коробки все еще не разобраны, детскую кроватку собирал свекор и оставил две лишние детали. Рассказала так, что Вера рассмеялась снова. На несколько минут можно было быть обычной соседкой по палате, которой смешно от чужой семейной неурядицы.

Потом Катя спросила, кто придет встречать.

— Подруга.

Пауза растянулась. Вера уже приготовилась добавить что-нибудь, хотя не знала, что именно. Катя только кивнула.

— Попроси ее воды взять. Я своему отдельно написала, а то ведь додумается до всего, кроме воды.

Когда соседка уснула, Вера завернула косточку в салфетку. Долго держала в руке, прежде чем выбросить. Катя знала, что за ней придет только подруга, и ничего не спросила. С ней можно было и завтра поговорить. Вера поправила подушку и легла. Через некоторое время Соня проснулась, и нужно было снова учиться тому, что пока не получалось с первого раза.

На выписку Катиной семье привезли огромный букет. Муж переминался в коридоре с нарядным свертком, све-кровь командовала фотографом. Вера сидела на краю кровати и пыталась понять, как застегнуть кофточку, которую принесла Надя. Пуговицы оказались с неожиданной стороны.

— Мне сказали, хорошая, — объясняла подруга. — Я взяла. Там ребенок уже вырос. Ему пять месяцев, а выглядит как небольшой директор.

Надя нервничала и поэтому говорила без остановки. Сама была в летнем платье, которое помялось в автобусе. На ноге виднелась свежая ссадина: торопилась, упала возле остановки. Вера потянулась к подруге и обняла ее одной рукой, придерживая другой незастегнутую кофточку.

Они вышли вдвоем, а Соня лежала в одеяле между Вериними руками. На крыльце было ослепительно светло. Кто-то крикнул, чтобы подождали для фотографии; к ним это не относилось. На нижней ступеньке Надя все-таки достала одолженный фотоаппарат и попросила проходившую женщину снять их. Та долго прицеливалась, велела встать ближе. Вера прижала дочь, Надя неловко обняла подругу за плечи. Потом забрала аппарат и подняла руку, останавливая машину.

В дороге Вера боялась каждой неровности. Водитель выключил радио, посмотрев в зеркало, и старался ехать осторожнее. На прощание помог вынуть сумку и подождал, пока

Надя откроет дверь подъезда.

Зинаида встретила их у дверей.

— Ну, приехали, — сказала она. — Горячая вода вечером будет. Сейчас трубы смотрят.

В комнате за занавеской все осталось как прежде. Продавленный диван, ковер, табурет. Только посреди стола Надя заранее поставила маленький букет полевых цветов в банку из-под горчицы. Вера осторожно положила Соню на приготовленное место и села рядом. Домом это не было, но пока здесь можно было снять обувь.

Вечером Наде пришлось уйти. Она трижды возвращалась от двери: спросить, оставила ли деньги, показать, где чистые вещи, пообещать прийти завтра. Вера каждый раз отвечала, что все хорошо. Когда за ней закрыли дверь, комната вдруг увеличилась.

Соня заплакала поздно. Сначала недовольно, словно поправляя небольшую ошибку, потом все громче. Вера пробовала то, чему ее успели научить, меняла пеленку, прикладывала к груди, ходила от дивана до занавески. Зинаида кашляла за стеной. Часы на кухне отбивали каждые полчаса с коротким сухим звоном. Вера посмотрела на стрелки и поняла, что прошло всего двадцать минут.

— Ну что, — шептала она. — Ну пожалуйста. Ну скажи мне, что тебе.

Сказать Соня не могла. От этого Вере было страшнее всего: тот, за кого она теперь отвечала, не умел объяснять.

Под утро девочка затихла на ее груди. Вера не сразу поверила. Продолжала покачиваться, пока колени не начали подгибаться. Потом села на диван, прислонилась к стене и осторожно вдохнула. Маленькая голова пахла молоком и чем-то теплым, новым. Соня вздохнула всем телом и разжала кулак.

Вера смотрела, как на крошечной ладони расправляются пальцы. Один за другим. Она успела подумать, что теперь им предстоит все выяснять вместе, и уснула сидя, удерживая дочь согнутыми, затекшими руками.

Глава 8

Причал

Через месяц Зинаида стала закрывать дверь на кухню. Раньше оставляла открытой, и Вера могла видеть полоску света из-за занавески. Теперь после девяти в комнате темно окончательно. Хозяйка ничего не говорила, однако утром расставляла чашки с таким стуком, что извинения приходили Вере в голову раньше приветствия.

Однажды Зинаида села напротив, положив обе ладони на стол.

— Ты на меня не обижайся. Я думала, я смогу. А я не сплю. Давление поднимается.

Вера посмотрела на красные веки женщины и поняла, что та действительно не спит.

— Я ищу.

— Я понимаю. Только надо как-то побыстрее.

Вера вышла с коляской и остановилась у подъезда. Коляску привезла Надя от знакомых: тяжелую, с одним непослушным колесом. Спускать ее приходилось отдельно от ребенка. Соня в это время лежала одетая на диване, а Вера бежала вверх по лестнице с чувством, которое не могло стать привычным.

Работу она искала во время прогулок. Читала объявления, спрашивала в ларьках, заходила туда, где на двери было написано «требуется». Разговоры заканчивались одинаково, хотя люди старались говорить по-разному.

— А ребенка куда?

На этот вопрос не существовало удачного ответа. «Возьму с собой» заставляло собеседника смотреть в сторону. «Пока спит» вызывало жалость, которой ничего нельзя было купить. «Знакомая посмотрит» требовало знакомой, способной каждый день смотреть по восемь часов.

Соседка Зинаиды предложила присматривать за Соней. Назвала цену, и Вера поняла, что после оплаты ей придется еще доплатить за право поработать. Женщина не пыталась ее обмануть. Просто у чужого времени была стоимость, а у Вериного труда — другая.

К Валентине Петровне она пришла в середине сентября. Постояла перед общежитием, пропуская студентов, и почувствовала себя человеком, который опоздал на целый учебный год. Новые первокурсники тащили сумки, спорили с родителями, несли комнатные цветы. Возле входа кто-то гром-

ко смеялся.

Вахтерша увидела коляску и вышла из своей будки.

— Девочка?

Вера кивнула.

— Покажи.

Валентина Петровна посмотрела на Соню, поправила край одеяла.

— Серьезная. Вся в тебя. Ты чего пришла?

Вера рассказала про жилье и работу. Без подробностей про ночи и деньги. Вахтерша слушала, постукивая ключом по подоконнику. Потом сказала:

— Ты подожди. У меня одна есть. Только характер — не сахар.

— У меня тоже, — неожиданно ответила Вера.

Валентина Петровна усмехнулась.

Гостиница «Причал» стояла в переулке между бывшим речным управлением и старым кирпичным складом. Вывеску покрасили недавно, но стрелка с облезшим острием оставалась прежней. Во дворе сушилось белье; веревки пересекались так низко, что высокий человек должен был наклоняться. Вера протащила коляску между двумя простынями и вышла к женщине, стоявшей с карандашом над большой тетрадью.

— Вы от Вальки? — спросила женщина.

— Да. Вера.

— Раиса Семеновна. Сразу говорю: постоянной работы с

таким маленьким не обещаю.

Соня спала. Вера поймала себя на желании объяснить, что она всегда так спит, но промолчала.

Раиса показала комнату в конце служебного коридора. Чистую, узкую, с окном во двор и кроватью возле стены. Рядом была небольшая комнатка для белья, отдельно — место, где сотрудники пили чай. Вера смотрела на окно, которое открывалось целиком, и старалась не выдавать, как сильно ей уже хочется остаться.

— Жить можно недорого, — сказала Раиса. — За помощь часть вычту. Но не думай, что это я тебя на целый день наняла, а ты тут с младенцем крутись. Мне такого не надо. Сначала посмотрим, что вообще получится.

Она перечислила работу: проверить наволочки, пометить изношенное, подшить край, перенести записи из листков в журнал. Все, что можно делать рядом с коляской и отложить, если ребенок проснулся.

— Если мне отойти на десять минут надо будет, спрошу, — сказала Вера.

— Правильно. Спросишь. А я отвечу. Иногда не смогу.

Вера кивнула. По крайней мере, было понятно, о чем можно просить.

Раиса дала ей стопку белья и попросила посчитать. Вера разложила по видам, отметила прорехи, заметила, что в тетради не сходится количество простыней.

— Здесь четыре списаны, а вычтено пять.

Хозяйка забрала листок. Проверила.

— Ага. Нина моя опять. Торопится жить.

Она посмотрела на Веру внимательнее.

— Ты где училась?

— В экономическом. Первый курс.

— А закончила?

— Пока нет.

Раиса не стала спрашивать почему.

Из коридора вошла Нина, которую Раиса только что помянула. В одной руке держала связку ключей, другой придерживала рукав: на локте расползся шов. Хозяйка показала ей тетрадь. Они недолго поспорили о списанном белье, выяснили, на какой странице ошибка, и Нина забрала стопку наволочек.

— Чай будешь? — спросила у Веры.

Вера посмотрела на Раису, словно разрешение требовалось и на это.

— У меня можно не спрашивать, — сказала та. — За чай отдельно не считаю.

На маленькой кухне гудел холодильник. Нина вымыла чашку, заварила чай прямо в ней, предложила сахар. Из окна было видно, как кто-то развешивает белье в дальнем углу двора. На подоконнике стоял цветок с тремя тяжелыми листьями; четвертый сломался и был подвязан ниткой к карандашу.

Соня начала хныкать. Вера вытащила ее из коляски,

неловко села. Чашка осталась нетронутой.

— Я тебе подальше переставлю, — сказала Нина. — А то локтем заденешь.

Она не стала забирать ребенка, показывать, как правильно держать, или расспрашивать про мужа. Налила себе чай и начала жаловаться на постояльца из шестого номера: уехал с ключом, обещал вернуть, теперь трубку не берет. Вера слушала, поглаживая Соню по спине. Девочка затихла.

— А второй есть? — спросила Вера.

— Есть. Но он же мой забрал. Мне теперь отвечать.

Вера спросила, какого числа уехал постоялец, и предложила посмотреть записи: может быть, он еще собирался вернуться. Нина оживилась, пошла за журналом. Чай успел остыть, и Вера смогла наконец сделать глоток, не выпуская Соню из рук.

Когда Вера уходила, Нина придержала дверь для коляски. Раиса окликнула из-за стола, напомнила, во сколько лучше приезжать в воскресенье. Сказала буднично, как о решенном деле. Вера ответила и только за воротами поняла, что больше не держит плечи поднятыми к ушам.

Переезжали в воскресенье. Надя принесла два мешка, в которые поместилась почти вся жизнь. Зинаида отдала остаток платы честно, пересчитав при Вере. У двери погладила Соню по одеялу.

— Ты не думай, что я против вас.

— Я не думаю.

Они обе понимали: сказать друг другу больше нечего.

В «Причале» Надя вымыла подоконник и повесила короткую занавеску. Кровать пришлось отодвинуть, чтобы вместились коляска. Раиса принесла таз, объяснила, где брать воду, и ушла, пока Вера не начала благодарить слишком долго.

Вечером за стеной разговаривали постояльцы. Один звонил жене и сердился, что сын не сделал уроки. В коридоре пахло стиральным мылом, дешевой колбасой и мокрыми куртками. Вера покормила Соню, уложила, села над стопкой наволочек. У одной шов расползся всего на ладонь. Она вдела нитку, попробовала сделать маленький стежок.

Впервые за долгое время работа была посильной. Она могла остановиться. Могла снова начать. Когда Соня зашевелилась, Вера отложила иглу в коробочку, не боясь, что за это немедленно выгонят.

Позже пришла Раиса, проверила сделанное, кивнула.

— Аккуратно. Только нитку не экономь так, до последнего сантиметра. Пальцы дороже.

Вера улыбнулась. Хозяйка посмотрела на Соню.

— Ну, живите пока.

После ее ухода Вера открыла окно. Во дворе ветер шевелил пустую бельевую веревку. На стекле отражались кровать, коляска и маленький стол. Помещение можно было пройти за пять шагов. Пока этого хватало, чтобы не думать, куда идти завтра.

Глава 9

Два часа сна

Чай остывал третий раз. Вера перестала его подогревать и выпила холодным, стоя у стола. Соня только что заснула, стоило сесть, как у двери кашлянул постоялец.

— Девушка, бумагу мне надо.

— Какую?

— За проживание. Я же утром просил.

Он действительно просил. Вера обещала найти Раису, потом Соня заплакала, потом привезли белье, потом у сотрудницы сломался ключ. Обещание осталось где-то между этими делами и теперь обнаружилось в чужом недовольстве.

— Сейчас узнаю.

— Я уезжаю через пятнадцать минут.

Вера посмотрела на спящую дочь. На кухне никого не было. Она позвала Раису через служебную дверь, получила папку, нашла нужный бланк. Постоялец стоял над столом, вздыхая так тяжело, будто именно на это ушла основная часть командировки.

Вера переписала дату неправильно.

Раиса заметила ошибку сразу, перечеркнула бланк.

— Проверять надо.

— Я знаю.

— Тогда проверяй.

Вера почувствовала горячую обиду. Хотелось рассказать,

что ночью Соня просыпалась каждые сорок минут, что у нее болит спина, что она уже три дня собирается вымыть голову. Но все это не делало неверную дату верной. Она молча взяла новый бланк.

Постоялец ушел. Соня проснулась. Вера подняла ее на руки и обнаружила, что сердится. Не на постояльца, не на Раису — на маленькое теплое тело, которое снова требовало ее целиком. Это открытие оказалось страшнее самой усталости. Она прижала дочь, потом осторожно положила в кроватку и отошла к окну.

Соня плакала. Вера стояла в двух шагах, упершись ладонями в подоконник, и считала проходящие во дворе шаги. Один человек. Другой. Третий. Через минуту повернулась и снова взяла дочь. Сердиться перестала, только очень хотелось, чтобы кто-нибудь взял на руки и ее саму.

За несколько дней до этого на прогулке Вера присела у маленького сквера. Коляска встала криво, пришлось подложить под колесо камень. На соседней скамье молодая женщина ела яблоко, пока мужчина носил ребенка между деревьями. Иногда подходил, спрашивал, правильно ли держит. Она поправляла и продолжала есть.

Вера смотрела украдкой. Раньше подобная сцена прошла бы мимо. Теперь она следила, как женщина откусывает яблоко, не торопясь прожевывает и снова подносит ко рту. Ни разу не пришлось отложить. Ребенка все еще носил муж.

Женщина заметила взгляд и подвинула пакет.

— Хотите? С дачи привезли. Кислые только.

Вера отказалась, потом приняла одно. Не умела еще брать обыкновенную доброту без длинного объяснения.

— Ваша маленькая? — спросила соседка по скамье.

Она показала Соню. Поговорили о колясках, о погоде, о том, как трудно угадать одежду в таком сентябре. Ничего особенного. Женщина не стала расспрашивать, почему Вера одна. Мужчина вернулся, усталый и довольный, передал ребенка матери, сел и тут же пожаловался на спину. Они с женой начали спорить, кто носил дольше. Ссора была настолько обычной, что Вера невольно улыбнулась.

Когда они ушли, она доела яблоко. Кислота свела скулы. Соня проснулась и стала следить за движением листьев над головой. Несколько минут они обе смотрели на одну и ту же ветку. Вера наклонилась, и девочка вдруг улыбнулась — не тени, не чему-то за материнским плечом, а именно ей.

Она рассмеялась вслух. Потом оглянулась, будто хотелось показать кому-нибудь, что получилось. Скамья была пуста. От этого радость не исчезла, только оказалась некому рассказать сразу.

Вернувшись, Вера хотела записать день, чтобы не забыть. На кухне потребовалась помощь, потом началась стирка, потом Соня снова захотела есть. Дата так и осталась ненаписанной. Зато в памяти сохранился вкус яблока и то, как маленькое лицо собрало все свое внимание на ней одной.

Надя обещала зайти к обеду, но позвонила из институ-

та: нужно срочно ехать домой, у матери опять плохо. Вера сказала, что все нормально. Услышав собственный слишком бодрый голос, подруга замолчала.

— Вер, я правда не могу.

— Я же ничего.

И именно в этих словах уже прозвучал упрек. Вера извинилась раньше, чем Надя успела ответить.

Днем она достала папку с юридическими листками. На одном было записано полное имя Дениса и адрес его родителей. После рождения Сони она дважды собиралась пойти дальше. Один раз не с кем было оставить ребенка. Второй — не хватило времени, когда нужно было отнести документы в другое место. Отказ Дениса не стал законнее за эти месяцы; просто каждое действие требовало от Веры сил, которых не было в запасе.

Она написала ему еще одно письмо. Указала, что девочка родилась, приложила фотографию, сделанную прохожей на выписке. Потом неделю ждала. В ответ позвонила его мать.

Теперь голос женщины звучал устало.

— Вы же видите, ничего у вас не будет. Зачем людям жизнь портить?

Вера слушала из гостиничной кладовой, где поставили служебный телефон. Соседний шнур цеплялся за полку, и приходилось держать голову набок.

— У меня есть дочь, — сказала она. — У нее тоже жизнь.

— У всех есть жизнь, милая.

После разговора Вера долго складывала бумаги. Сначала по датам, затем по размеру. Она не отказалась от мысли добиться отцовства навсегда. Просто отложила. Завтра надо было купить необходимое ребенку и постирать. Послезавтра — получить оплату. За этими днями стояли следующие, уже занятые.

Вечером Раиса дала ей старую тетрадь.

— Расходи пиши. Иначе кажется, что деньги сами исчезают.

Вера записала первую строку. Потом вторую. Суммы были маленькими, и тем сильнее пугал итог. На последней странице она начала письмо матери.

«Мам, у меня родилась девочка. Назвала Софьей. Она...»

Вера остановилась. Можно было написать, что Соня красивая, что поправляется, что уже следит за светом. Но за каждым известием стояла просьба. Посмотри на нас. Ответь. Скажи, что ты не перестала быть моей матерью.

Она перевернула страницу и убрала тетрадь.

К началу ноября Вера уже не ждала новых звонков. Раиса постучала поздно, когда Соня наконец уснула, и Вера в первую секунду возненавидела звук стука.

— Не спишь? — Хозяйка просунула голову. — Завтра привезут. Надо по старой накладной проверить. У меня там что-то не бьется.

— Давайте.

Раиса положила бумаги и посмотрела на холодную круж-

ку.

— Ты ела?

— Да.

Хозяйка не поверила. Вышла и вернулась с тарелкой макарон, накрытой другой тарелкой.

— Нинины. Она варит на полк. Ешь, пока нормальные.

Вера развернула накладную после еды. Буквы расплывались, но цифры постепенно собрались. В перечне стояло двенадцать одинаковых кранов, а итоговая сумма соответствовала четырнадцати. Она пересчитала, проверила цену, сделала отметку карандашом. Было приятно обнаружить ошибку, которую можно исправить без чужого согласия.

Под утро она спала почти два часа подряд. Проснулась прежде Сони, лежала с открытыми глазами и боялась пошевелиться. За стеной кто-то осторожно поставил чайник на плитку. Во дворе хлопнула дверца машины. Начинался новый день, и на несколько минут Вере хватало сил думать о нем без страха.

Глава 10

Человек с коробкой кранов

Поставщик приехал, когда Вера кормила Соню. Она слышала из комнаты мужской голос, раздраженный, но не злой. Человек объяснял Раисе, почему машину задержали, зачем пришлось покупать другие прокладки и отчего хорошая вещь не может стоить столько же, сколько плохая. Раиса от-

вечала коротко. По интонациям Вера поняла, что объяснения принимаются не целиком.

Она уложила дочь и вышла с карандашной отметкой на накладной.

Мужчина стоял у стола, упершись ладонью в большую коробку. Куртку не снял. Темные волосы были примяты возле виска, на щеке сохранился след от неудачного бритья. Вера первым делом заметила его руки: он держал в пальцах металлическую деталь и поворачивал, не глядя, привычно, как человек, который знает вес собственных товаров.

— Вот спросите у нашей, — сказала Раиса. — У нее цифры лучше сходятся.

Слово «нашей» застало Веру врасплох. Она подошла ближе.

— Здесь сумма за четырнадцать, а привезли двенадцать. Мужчина нахмурился.

— Потому что две другие позиции ниже.

— Они отдельно посчитаны. Вот.

Она положила накладную. Он взял, просмотрел, вернул.

— У меня бухгалтер считает.

— Здесь можно без бухгалтера. Двенадцать умножить на цену. Потом прибавить остальное.

Раиса кашлянула. Вера поняла, что прозвучало дерзко, но отступать не хотелось. Соня все еще спала; для разговора имелось ограниченное время, и тратить его на чужую уверенность было жалко.

Мужчина посмотрел на нее. Потом достал ручку, проверил еще раз и медленно кивнул.

— Действительно.

Он написал исправление на обороте и поставил подпись.

— Так подойдет?

Раиса забрала листок.

— Теперь подойдет.

Соня заплакала. Вера сразу повернула голову, и мужчина проследил за ее взглядом.

— Я отойду.

— Идите, — ответил он.

Когда она вернулась, Раиса спустилась в подвал проверять склад, а мужчина переносил коробки к стене. Вера взяла одну из небольших, прижимая Соню к плечу.

— Поставьте, — сказал он.

— Легкая.

— А ребенок тоже легкий?

Она поставила коробку. Он перенес ее сам, потом взял еще две. Вера стояла рядом, чувствуя себя глупо. От помощи, которую не успела заслужить, обычно хотелось сразу откупиться полезностью.

— Спасибо.

— Не за что. Куда тут руки вымыть?

Она показала. Пока он мыл руки, Соня перестала плакать и принялась внимательно рассматривать незнакомый воротник. Мужчина заметил это в зеркале.

— Проверяет документы?

— Всех проверяет.

— Правильно. Особенно поставщиков.

Вера улыбнулась. Он вытер руки своим платком, спросил, сколько девочке.

— Четыре месяца скоро.

— Моему пять лет. И все еще считает, что у меня карманы бездонные.

Он сказал это с мягкостью, которой прежде в голосе не было. Вера представила мальчика, выворачивающего взрослые карманы в поисках гостинца.

Вернувшаяся Раиса позвала его разобраться с последней позицией. Он снова стал деловым, коротким, чуть нетерпеливым. За десять минут успел кому-то позвонить, отчитать водителя, убедить хозяйку не отказываться от партии. Вера носила Соню по комнате и слушала голоса через дверь. Ей нравилось, что человек может решать сразу несколько вопросов, хотя мешающее ему обстоятельство не исчезает по первому слову.

Пока Раиса сверяла остаток, во двор приехала еще одна машина. Водитель долго сигналил, не понимая, куда ставить. Поставщик вышел навстречу и сам начал показывать место. Вера видела через стекло, как он сердится, потом останавливается, слушает объяснение и уже спокойнее помогает развернуться. Водитель что-то сказал ему из окна; мужчина усмехнулся и посторонился, пропуская машину.

Вскоре в гостиницу вошел постоялец с чемоданом, у которого отломилось колесо. Держал его в руке и требовал объяснить, почему во дворе такой асфальт. Раиса отвечала, что асфальт старше гостиницы, но извиниться за его возраст пока никому. Поставщик не выдержал, засмеялся. Постоялец тоже, хотя пытался сохранить обиду.

Вера принесла плотный пакет для отломившейся детали. Взяла ключ от свободной комнаты, показала дорогу. Когда вернулась, мужчина посмотрел на нее внимательнее.

— Вы тут за все сразу?

— Нет. Только за то, что сейчас происходит.

Он кивнул, словно ответ оказался знакомым.

Вера редко разговаривала в последние месяцы с мужчиной не о том, почему он не может помочь или почему она просит слишком многого. Здесь можно было просто стоять рядом со столом, держать журнал, отвечать. Она говорила с ним почти так же, как раньше со знакомыми в институте.

Мужчина достал телефон, увидел несколько пропущенных, поморщился и набрал. Сказал, что выезжает, затем задержался еще на минуту: Раиса нашла неучтенную позицию. Кольцо блеснуло, когда он подписывал исправление. Вера придвинула накладную и еще раз проверила итог.

Соня завозилась у нее на плече. Мужчина замолчал посреди ответа, подождал, пока девочка снова устроится, и лишь потом продолжил. Вера приготовилась извиниться, но он уже показывал Раисе исправленную строку. Она поправила

Сонькин воротник и осталась возле стола.

Уезжая, мужчина заглянул к ней.

— Хорошо считаете.

— Это несложно было.

— Когда заметишь — несложно.

Он ушел, прежде чем она придумала ответ.

Вечером в гостинице стало холодно. Старый обогреватель щелкал, и Раиса велела выключить: от провода пахло. Вера надела на Соню дополнительную кофточку, сама сидела в свитере и штопала простыню. Хозяйка принесла счет от поставщика, чтобы сверить новую сумму.

— Игорь Валерьевич, — сказала она, заметив взгляд Веры на подписи. — Гордеев. Нормальный мужик, только гонит вечно. Думает, если быстро говорить, люди медленнее считать будут.

Часов в восемь стукнули в наружную дверь. Вера вышла, решив, что вернулся поздний постоялец. На пороге стоял Гордеев с папкой под мышкой.

— Забыл бумагу отдать. Раиса здесь?

— В магазин пошла.

— Тогда передайте.

Он протянул папку и посмотрел на нее.

— Вы тут в куртке живете?

— Холодно немного. Обогреватель сломался.

— Какой?

Она показала из двери. Игорь присел, посмотрел на про-

вод, даже не прикоснувшись к нему.

— Этот не включайте. У меня на складе есть нормальный. Завтра привезу.

Вера сразу напряглась.

— Мы у Раисы спросим. Она сама...

— Конечно, спросите. Я ей оставлю, она решит.

Он выпрямился. Никакого особого предложения в словах не было, и Вера почувствовала стыд за свою настороженность.

— Вас как зовут?

— Вера.

— А проверяющую?

Она не сразу поняла, затем рассмеялась.

— Соня.

— Передавайте Соне, чтобы следила за арифметикой.

Игорь пошел к машине. Вера постояла у двери, пока не услышала, как заработал двигатель, потом вернулась в комнату. Соня лежала бодрая, двигала руками и возмущалась поддержкой ужина. Все осталось прежним: холодный пол, стопка белья, невыпитый чай. Только Вера поймала себя на том, что знает одно событие завтрашнего дня и ей хочется, чтобы оно произошло.

Часть вторая

Дом на чужом расписании

2000–2005

Глава 11

Ненужная сдача

Обогреватель Игорь привез на следующее утро. Небольшой, с ровными белыми ребрами, без запаха горячей пыли. Раиса проверила провод, паспорт прибора и сразу спросила цену. Игорь отмахнулся. Она повторила вопрос. Вера слушала через дверь и впервые улыбнулась тому, что у хозяйки хватает характера принимать помощь без растерянности.

К декабрю Гордеев стал появляться чаще. Иногда привозил товары сам, иногда заходил за подписью. Вера успела заметить, что в удачные дни он насвистывает первые три ноты какой-то песни, но дальше не продолжает. В неудачные смотрит на предметы так, будто они лично сорвали ему сроки.

Однажды он принес пакет продуктов. Поставил на стол, пока Вера держала Соню.

— Это вам.

Она посмотрела на банку хорошего кофе, сыр, фрукты. Разом увидела сумму, которой могло бы хватить на многое

необходимое, и от этого испугалась еще сильнее.

— Не надо.

— Уже принес.

— Зачем?

Игорь явно не приготовился отвечать.

— Есть будете. Вы же едите?

— Это не объяснение.

Он помолчал, затем осторожно сел на край свободного стула.

— Я хотел помочь. Нормально помочь. Без того, что вы сейчас подумали.

Вера покраснела. Ей хотелось верить ему и одновременно хотелось, чтобы он не называл вслух ее мысли.

— Я могу сама покупать продукты.

Он посмотрел на ее руки, на темный круг от дешевого кольца, которым она когда-то любила украшать палец и теперь крутила по привычке.

— Тогда считайте, что это к чаю.

— Столько к чаю не приносят.

Соня с неожиданным удовольствием потянулась к шуршащему пакету. Игорь дал ей чистую салфетку, получил серьезное согласие в виде сосредоточенного взгляда и усмехнулся.

— Хорошо. Кофе забираю себе. Остальное Раисе на кухню. Так можно?

Вера кивнула. Компромисс показался нелепым и потому спасительным.

Через неделю он увидел у нее на столе учебник. Вера забыла убрать, когда работала: пыталась вечером решить старую задачу и обнаружила, что помнит почти все. Игорь спросил, снова ли учиться. Она ответила, что пока просто проверяет голову.

— Работает? — спросил он.

— Местами.

Он усмехнулся, полистал книгу, спросил, что означают ее карандашные пометки. Вера объяснила, где остановилась. Начала коротко, потом увлеклась, показала расчет на обороте ненужного листа. Игорь слушал серьезно, а она заметила, что уже несколько минут говорит не о ребенке.

— Вам это нравится, — сказал он.

Вера пожала плечами. Ей стало неловко за удовольствие от совершенно бесполезного сейчас занятия.

— Наверное. Раньше хорошо получалось.

— А сейчас?

Она не успела ответить: Соня проснулась. Вера ушла к ней, и разговор остался незаконченным. Но позднее, когда уложила дочь, вернулась к листку. Посмотрела на собственное решение, проверила. Ошибки не было.

На следующий день Игорь приехал по делу, спросил между прочим, решила ли. Вера кивнула. Он сказал «молодец» и тут же смутился, будто заговорил с ней как с ребенком.

— Извините. Привычка.

— За что? Мне приятно.

Она сказала это честно и сама удивилась. Он запомнил ее задачу. Не спросил, зачем тратит время на бесполезную сейчас книгу. После его ухода захотелось открыть ее снова.

Несколько минут сидела возле окна, держа Соню на коленях. Девочка хватала край учебника, и мать осторожно отводила бумагу. Потом повернула дочь спиной к себе, устроила поудобнее и дочитала страницу. Соня следила за карандашом.

Позже он попросил ее посмотреть несколько накладных. Сказал, что бухгалтер занята отчетностью, а на складе накопилась путаница с возвратами. Вера согласилась на вечернюю работу, но сразу предупредила: срок зависит от того, как будет спать дочь. Игорь спросил, удобно ли забирать готовое по частям.

Она разобрала документы за три вечера. Отдельно выпишала несоответствия, подчеркнула повторный номер. Делала медленно, проверяла каждую строку и испытывала удовольствие, почти забытое с института: перед ней находилась задача с правильным решением.

Когда Игорь расплатился, Вера пересчитала деньги и протянула часть обратно.

— Много.

— Я сам назначаю оплату.

— А я знаю, сколько работала.

Он рассердился. Она увидела это по тому, как он поправил манжет. Потом раздражение сменилось удивлением.

— Давайте договоримся заранее, — предложил он. — Чтобы каждый раз не торговаться в обратную сторону.

Так и сделали. Вера записала условия в тетрадь рядом с обычными расходами. Зачитала ему сумму и срок, ждала подтверждения. Игорь улыбнулся, но, когда она подняла глаза, ответил серьезно:

— Все правильно. Так и договорились.

В тот вечер он остался пить чай. Раиса поставила перед ним чашку и ушла, предупредив, что сахар заканчивается. Игорь ответил, что захватит со склада. Из-за закрытой двери донеслось:

— По накладной!

Вера рассмеялась. Он тоже.

Они говорили о работе. О том, почему люди заказывают двадцать одинаковых вещей, когда им нужны три разных. О девушке на его складе, которая знала все артикулы, но забывала собственный зонт. Вера рассказала про гостиницу на старой улице, которую увидела в сентябре прошлого года.

— Купили бы? — спросил Игорь.

— Я пока комнату нормально снять не могу.

— Я не про сейчас. Вообще.

Она подумала. Он ждал, и от этого вопрос перестал быть вежливостью.

— Сначала узнала бы, почему закрылась. Может, там стены гнилые. Мечтать проще, чем потом людей переселять.

— Вот именно, — сказал он с неожиданным удовольстви-

ем. — А остальные начинают с занавесок.

Вера почувствовала гордость и постаралась ее скрыть. Потянулась за чайником; Игорь одновременно взялся за ручку. Их пальцы соприкоснулись. Они оба отдернули руки чуть быстрее, чем требовалось.

— Я налью, — сказала она.

— Наливайте.

Соня проснулась в соседней комнате. Вера поднялась сразу. Когда вернулась с ней, Игорь уже мыл свою чашку, осторожно переставляя на сушилке чужую посуду. В его широкой спине, согнутой над гостиничной раковиной, оказалось что-то домашнее. Вера с испугом заметила, как легко воображение добавило его к комнате, в которой и без него было тесно.

Он ушел, оставив на столе следующую папку. Кофе на этот раз не принес. Вера усадила Соню у себя на коленях и раскрыла документы. На первом листе в углу его рукой было написано: «Срок свободный». Она провела по надписи пальцем, затем перевернула страницу, будто могла таким способом спрятать собственную улыбку.

Глава 12

Фотография на панели

Январская дорога блестела, как натертый пол. Игорь вел осторожно, придерживая руль обеими руками. Вера сидела рядом с папкой на коленях и чувствовала себя слишком за-

метной в теплом салоне. Они ездили забрать документы, которые нужно было сверить на месте; с Соней по предварительной договоренности осталась Раиса.

На панели стояла маленькая фотография под прозрачной пластинкой. Мальчик с оттопыренным ухом обнимал женщину в светлом пальто. Женщина смеялась, прищурившись. Вера увидела снимок еще при посадке, но некоторое время делала вид, что рассматривает дорогу.

Она знала о сыне. Замечала кольцо. Не задала ни одного вопроса, позволяя своему незнанию оставаться удобным. Теперь фотография оказалась у нее перед глазами, и отворачиваться стало почти неприлично.

— Это ваша жена?

— Да. Марина. И Антон.

Он ответил сразу, не меняя тона. Вера кивнула и посмотрела на папку.

— Вы вместе живете?

Игорь покосился на нее. Потом снова перевел взгляд на дорогу.

— Вместе.

Под колесами хрустел песок. Печка дунула горячим воздухом; Вера отодвинула рукав, потому что вспотела ладонь.

— Я не должен был вас ставить в неловкое положение, — сказал он через некоторое время.

— Вы не ставили.

— Кажется, ставил.

Она хотела рассердиться на его понимание. Ему тридцать пять, ей девятнадцать; он успел разобраться в том, что она еще пыталась назвать простой благодарностью. Вера посмотрела на улыбающуюся женщину. Та была старше нее, но не старой. Красивая, живая, с волосами, выбившимися из-под воротника. В воображении не получалось сделать ее неприятной.

Игорь заговорил сам. О том, что они давно женаты, вместе начинали, растят сына. Не рассказывал, будто жена его не понимает и брак существует только на бумаге. Сказал, что дома бывает трудно. Потом, помолчав, добавил:

— И хорошо тоже бывает.

Вера слышала каждое слово. Снаружи проплывали заборы, остановки, люди с пакетами. Она могла открыть дверь на ближайшем светофоре, выйти в свой обычный холод и избавиться от необходимости сидеть здесь еще двадцать минут. Вместо этого поправила папку.

У гостиницы Игорь заглушил двигатель.

— Я хотел пригласить вас поужинать.

Вера посмотрела на него впервые за всю дорогу.

— Не надо.

Он кивнул.

— Хорошо.

Она поблагодарила за поездку, вышла и закрыла дверь осторожно, словно слишком громкий хлопок мог выдать, как много уже успело измениться.

Следующие недели он приезжал по делу. Вера заранее готовила документы, отвечала коротко, старалась, чтобы разговоры шли при Раисе. Игорь не настаивал на ужине. От этого было легче и одновременно почему-то обидно. Она ненавидела эту вторую часть чувства: сама отказала, сама ждала, что он не согласится с отказом.

Однажды он приехал с Антоном. Мальчик остался в машине с коробкой карандашей, но быстро заскучал и вышел во двор. Вера увидела из окна, как Игорь присел перед ним и долго застегивал заевшую молнию. Антон что-то рассказывал, сердито дергая плечом. Отец слушал, не торопя. Потом они вместе посмотрели вверх — на крышу, где сидела ворона, — и засмеялись.

Вера отошла от окна. Антон все еще что-то рассказывал, и отец стоял рядом, хотя уже собирался уезжать. Дома у них наверняка тоже так: мальчик зовет, Игорь оборачивается.

Одна из постоялиц уезжала с мужем после нескольких дней в гостинице. Вера помогала оформить бумаги и случайно услышала, как женщина выговаривает ему за забытый зарядный шнур. Мужчина отвечал шуткой, она сердилась всерьез, потом сама нашла шнур у себя в сумке. Оба рассмеялись.

Позднее женщина вернулась за варежками ребенка. Увидела Соню, немного поговорила с Верой. Спросила, трудно ли работать с такой маленькой. Не жалела, скорее вспоминала собственное.

— Мы с мужем по очереди выкручивались, — сказала она. — Казалось, никогда не выспимся.

Вера кивала. После ее ухода подумала о Марине на фотографии. У той тоже когда-то был маленький ребенок. Наверное, точно так же искала вещи, не успевала допить чай, хотела поспать. Вера пыталась представить ее капризной, недовольной, равнодушной к мужу. Но вспоминала смеющееся лицо под прозрачной пластинкой, и становилось стыдно за эти попытки.

Вечером долго гуляла с Соней. Снег на обочинах стал серым, в сквере — почти синим. Девочка спала, запрокинув лицо, и Вера несколько раз поправляла капюшон. На скамье сидели двое студентов, держали пакет с пирожками, спорили о какой-то музыке. Их молодость казалась ей теперь не возрастом, а количеством свободных вечеров.

Вера позавидовала тому, как девушка придвинулась к парню, чтобы взять пирожок из общего пакета. Легко, не оглядываясь. Потом вспомнила, что со стороны и они с Денисом наверняка выглядели так же.

У дверей гостиницы долго стряхивала снег с колес. Представляла, что завтра увидит Игоря, и, несмотря ни на что, обрадовалась. От этого стало только тревожнее.

Надя пришла в выходной. Они вместе купали Соню, и разговор возник между двумя полотенцами, без всякой подготовки.

— Он тебе нравится?

Вера продолжала вытирать маленькую ногу.

— Кто?

— Ну не Раиса Семеновна же.

Соня возмутилась холодной пеленкой, и несколько минут можно было заниматься только ею. Потом молчание потребовало ответа.

— Нравится, — сказала Вера.

Надя кивнула.

— А жена?

— Есть.

— И?

— И все.

Подруга устало потерла переносицу.

— Вер, ты мне ничего не должна объяснять. Только сама себе объясни заранее. Не потом.

Вера резко завернула полотенце и тут же испугалась, что сделала больно Соне. Девочка смотрела спокойно, зажав кулак у рта.

— Ты думаешь, мне просто нужен человек с деньгами?

— Я думаю, тебе нужен человек, на которого можно опереться. И это очень понятно. Поэтому и спрашиваю.

Они больше к теме не возвращались. Перед уходом Надя долго стояла возле коляски, поглаживая край одеяла. Вера не стала просить ее сказать что-нибудь одобрительное. Знала: подруга не скажет ради спокойствия.

В понедельник Игорь принес новую папку. Увидел, как

Соня тянется к его ключам, снял связку, потом передумал и дал вместо нее чистую коробочку.

— А то тут все подряд, — объяснил он.

Вера смотрела, как внимательно он выбирает для чужого ребенка безопасную вещь, и вдруг устала сопротивляться собственному интересу. Сведения о жене ничего не убрали из его голоса, рук, привычки выслушивать ответ. Теперь все это просто существовало рядом с фотографией на панели.

— Вы еще хотите со мной поужинать? — спросила она.

Игорь поднял глаза. Ответил не сразу.

— Хочу.

— Мне надо договориться, чтобы с Соней остались.

— Договоритесь. Я подожду.

Она кивнула и забрала папку. Руки слегка дрожали. Отказаться еще было можно, и Вера знала это так же ясно, как знала его ответ.

Глава 13

Вечер для себя

Надя пришла на двадцать минут раньше. Принесла кефир, печенье и собственную тетрадь: обещала учиться, пока Соня спит. Пальто сняла молча, повесила рядом с Вериним, потом посмотрела на разложенную одежду.

— В синей иди.

— Она простая.

— Зато ты в ней похожа на себя.

Вера взяла синюю блузку. В последнее время она одевалась так, чтобы можно было быстро покормить ребенка, вымыть пятно, не пожалеть растянутую ткань. Сейчас пришлось вспомнить другие требования. Она достала сережки, долго искала вторую застежку, дважды поправила волосы. В зеркале отражалась молодая женщина, которой постоянно не хватало сна. Вера увидела ее отдельно от коляски и испытала неловкую радость.

— Если проснется...

— Я знаю.

— Там чистое...

— Вер. Иди.

Она поцеловала Соню и задержалась у двери. Надя уже села на ее кровать, раскрыла тетрадь. Все было устроено, насколько вообще можно устроить несколько часов собственной жизни.

Игорь ждал у машины. Не стал говорить, что она прекрасна; сказал, что синее ей идет, и помог сесть. Это оказалось лучше. Огромному комплименту Вера не поверила бы, а маленькое наблюдение можно было принять.

В кафе играла тихая музыка. Игорь выбрал стол у стены. Вера сразу заметила, что отсюда плохо видно вход, и не поняла, забота это о ней или о нем. Решила пока не спрашивать.

Меню изучала слишком долго. Цены заставляли соотносить каждое блюдо с обычными расходами. Игорь предло-

жил заказать несколько вещей вместе, чтобы попробовать, и тем избавил от необходимости выбирать самое дешевое.

Поначалу говорили о Соне. Потом о гостинице. Вера поймала себя на том, что приносит на ужин все, от чего собиралась отдохнуть.

— А вы в девятнадцать кем были? — спросила она.

Игорь откинулся на спинку стула.

— Уверенным идиотом.

— А сейчас?

— Сейчас уже не так уверен.

Потом заговорил о первых поездках за товаром. Как однажды купил целую партию одинаковых дверных ручек, а они оказались для другой стороны двери. Как обещал клиенту поставку за неделю, сам не зная, где брать товар. Как Марина сидела над счетами до ночи, потому что платить приглашенному бухгалтеру было нечем.

Он произнес имя жены спокойно. Вера ощутила короткий укол и осталась слушать, хотя теперь представляла Марину над теми же бумагами, которые сама сверяла по вечерам.

— Вы тогда уже были женаты?

— Да.

— А зачем так рисковали?

Игорь подумал.

— Мне казалось, если я буду работать больше всех, все должно получиться.

Вера улыбнулась. Эта мысль была ей знакома слишком хо-

рошо.

Они просидели дольше, чем собирались. Она смеялась, спорила, рассказывала про соседку, которая сушила лапшу на учебниках. Игорь слушал, иногда уточнял подробность, и Вера замечала, как понемногу перестает проверять каждое свое слово. Один раз сбилась, забыла, с чего начала, и рас- смеялась вместе с ним.

Он привез ее вовремя. Соня спала, Надя тоже — над раскрытой тетрадью. Вера тихо постояла в дверях, чувствуя нежность сразу ко всем, кто позволил этому вечеру состояться.

Потом были еще встречи. Короткая прогулка после работы, чай в пустом гостиничном номере, который Раиса соби- ралась ремонтировать, поездка за книгой, превращенная в час без определенной цели. Игорь не требовал ответной неж- ности за помощь. Именно поэтому Вера постепенно перестала отступать, когда он брал ее за руку.

На одной из прогулок пошел мокрый снег. Они укры- лись под козырьком закрытого магазина, тесно встали у сте- ны. Игорь пытался поймать машину, Вера смеялась над бес- полезностью зонта: ветер выворачивал его в неподходящую сторону. В конце он сложил зонт и признал поражение.

— Ты сейчас на серьезного человека совсем не похож, — сказала она.

— Полезно иногда.

Он снял с ее волос мокрый комоч снега. Вера почувство-

вала пальцы у виска и вдруг перестала смеяться. Вода сбегала с козырька совсем рядом. Она могла отойти, поправить мокрый воротник, но стояла, не шевелясь, пока он не убрал руку.

Игорь спросил, чего она больше всего хочет, если не считать очевидного. Вера сначала ответила про деньги и сон. Он попросил еще подумать.

Она смотрела на темную витрину, где отражались оба.

— Чтобы можно было ошибиться и не потерять все сразу.

Игорь не стал уверять, что никогда ничего не потеряет. Сказал, что понимает. Вера не знала, насколько действительно понимает мужчина, успевший построить устойчивую жизнь, но он хотя бы не превратил ее ответ в повод произнести утешительную речь.

Она спросила в ответ. Он подумал и признался, что иногда хочет один день никому не объяснять, почему устал. Не принимать решение, не успеть вовремя, не быть человеком, у которого всегда найдется нужный номер.

Вера посмотрела на его промокшую куртку, на руку, все еще сжимавшую зонт. Ей захотелось отвести его в тепло, напоить чаем и посидеть рядом, пока отогреется.

Машину они так и не поймали. Пошли пешком, деля маленький зонт. Игорь держал его неловко, вода попадала ему за воротник. Вера несколько раз подвинула ручку, чтобы хватило обоим. У дверей гостиницы он стряхнул снег с рукава, а она вдруг не захотела уходить первой. Постояли еще

минуту, хотя прятаться от погоды уже было негде.

Однажды он спросил, можно ли ее поцеловать. Вопрос вышел немного смешным в его исполнении: деловой человек ждал согласования на то, что давно читалось между ними. Вера кивнула. Потом сама потянулась к нему, чтобы он больше не спрашивал голосом, которым обсуждал поставки.

Близость случилась позже, когда она перестала считать каждое прикосновение обещанием будущего. По крайней мере, ей так казалось. На ту ночь Надя сама предложила остаться с Соней: утром у нее не было занятий. Игорь был внимателен, не торопил, замечал тревогу Веры, даже когда она пыталась отшутиться. Потом она лежала рядом и слушала незнакомую тишину: никто не плакал за стеной, не стучал в служебную дверь, не требовал срочной бумаги.

— Ты все время ждешь, что тебя позовут, — сказал он.

Она улыбнулась в темноте.

— Обычно зовут.

Он провел ладонью по ее волосам. Вера закрыла глаза. Так просто, оказывается, выглядел отдых, если рядом был человек, которому можно на несколько минут отдать собственную настороженность.

Утром зазвонил его телефон. Игорь посмотрел на экран и сел. Она почувствовала, как изменилось пространство между ними еще до первых слов.

— Да, Марин. Проснулся. Сейчас поеду.

Он говорил негромко, но не вышел. Вера натянула одея-

ло на плечо и смотрела на свои вещи, сложенные на стуле. Вчера эта комната была местом, где она могла ненадолго забыть обязанности. Теперь оказалось, что обязанности просто ждали за дверью, и у него их было больше.

После звонка Игорь повернулся к ней.

— Я отвезу тебя.

— Мне нужно к Соне.

— Знаю.

Они оделись. Он застегивал часы, она искала сережку и на секунду испугалась повторения давнего утра. Но Игорь поднял ее блузку с пола, аккуратно положил на спинку стула, спросил, не холодно ли ей. Обычная забота удержала от слишком легкого сравнения.

В машине он взял ее за руку. Вера не отняла. Смотрела на дорогу, по которой они возвращались каждый к своему дому, и старалась не делать вид, будто не понимает разницы.

Глава 14

Ночная аптека

Соня заболела в апреле, когда днем уже открывали окна, а ночью еще приходилось включать обогреватель. Вера сначала сердилась на переменчивую погоду, потом на себя за то, что недосмотрела. Врач оставил назначения, объяснил, когда звонить снова. Она положила листок перед собой, но то и дело отрывалась от него, прислушиваясь к каждому детскому вдоху.

Днем приходивший врач разговаривал с ней спокойно. Спросил то, что требовалось, посмотрел ребенка, объяснил, на что обращать внимание. Вера задавала вопросы и все время боялась показаться слишком глупой. Потом поняла: пусть лучше подумают что угодно, лишь бы она не пропустила важное. Переспросила еще раз.

Когда врач ушел, комната стала казаться ненадежной. Те же стены, тот же стул, но все знание человека, только что стоявшего рядом, ушло вместе с ним. Вера смотрела на записанные рекомендации, старалась восстановить голос, которым их произнесли. Спокойствие тоже хотелось записать на бумаге, чтобы перечитывать, когда страх снова начинается.

Соня ненадолго уснула. Мать села возле кровати, положила ладонь на край и прислушивалась. В обычный день различала по голосу недовольство, скуку, просьбу взять на руки. Сейчас дочь тихо вздохнула — Вера уже встала. Проверила, как объяснил врач, и только тогда села обратно.

Она вспомнила себя маленькой, с мокрым полотенцем на лбу. Мать сидела рядом, отец носил воду, сердясь на скрипучую дверь. В детской памяти они не боялись. Просто знали, что делать. Теперь Вера впервые задумалась, насколько это было правдой и сколько взрослого страха осталось за пределами той памяти.

Захотелось позвонить Людмиле. Не просить прощения, не обсуждать давний ужин. Спросить, как она выдерживала по-

добные часы. Вера взяла трубку, посмотрела на кнопки, положила обратно. Между вопросом и ответом стояла слишком большая история, а сил хватало только на Соню.

Вместо звонка вымыла маленькую чашку, приготовила чистую одежду, разложила нужное так, чтобы не искать ночью. У постели стало аккуратнее. Вера села и попыталась поесть, пока дочь спит. Первую ложку проглотила с трудом, вторую легче. До утра было далеко, и она заставила себя доесть.

К вечеру гостиница оказалась заполнена. Раиса бегала между комнатами и спорила с постояльцем, уверявшим, что заказывал другое место. Надя уехала домой. Вера обнаружила, что одного из назначенных лекарств в запасе нет, а до ближайшей открытой аптеки надо идти через два квартала. Оставить Соню было не с кем.

Она набрала номер Игоря со служебного телефона. Долго ждала. На заднем плане у него звякнула посуда, раздался детский голос.

— Что случилось?

Вера объяснила слишком подробно, путаясь в названиях.

— Спокойно. Записал. Врач был?

— Да.

— Я приеду.

Она положила трубку и почувствовала облегчение, за которое сразу стало стыдно. В другом доме шел ужин. Там мальчик просил отца посмотреть на что-то, там женщина на-

крывала стол. Вера словно протянула руку через чужую ска-терть и сдвинула тарелку.

Игорь приехал позднее, чем ей хотелось. Она успела несколько раз дойти до окна. Соня капризничала, потом за-тихала; Вера не могла понять, хорошо ли это затишье. Когда наконец услышала шаги, встретила его почти сердито.

— Я же сказала...

Он поставил пакет на стул.

— Все привез. Покажи, что сейчас нужно.

Она посмотрела на него и замолчала. У него была расстег-нута куртка, на виске блестела капля пота. Он торопился. Это не делало ожидание короче, но не позволяло считать его равнодушным.

Они разложили покупки. Игорь записал, что еще потре-буется утром, позвонил по указанному врачом номеру, ко-гда Вера попросила уточнить неясное. Потом вымыл круж-ки, разогрел ей еду и сел рядом. Полезность его присутствия обнаруживалась в мелочах: можно было сходить в туалет, не прислушиваясь из-за двери; можно было выпить воду, пока кто-то держит ребенка; можно было переспросить вслух то, что страшно спрашивать у самой себя.

Соня долго не хотела к нему на руки. Поворачивалась к Вере, выгибалась. Игорь не обиделся. Сел на кровать побли-же, позволил рассмотреть собственную рубашку, и постепен-но девочка затихла.

— Я тебя чем-то устраиваю, оказывается, — сказал он.

Вера попыталась улыбнуться и неожиданно заплакала. Закрыла лицо, разозлившись на себя.

— Ты чего?

— Ничего. Устала.

Он не сказал «успокойся». Подвинул ногой стул, чтобы ей было удобнее сесть.

Около двух часов Вера легла на двадцать минут. Оставила свет, попросила разбудить сразу, если понадобится. Проснулась, когда окно посерело. Сначала испугалась пропущенного времени, затем увидела Игоря. Он сидел в той же позе, только рубашка помялась, а голова склонялась набок. Соня спала у него на руках. На колене лежала бумажка с записанными поручениями.

Вера некоторое время смотрела на них. Хотела спросить, как Соня спала, когда просыпалась, капризничала ли. Игорь мог ответить. Вера проспала несколько часов подряд, а кто-то другой помнил за нее, как они прошли.

— Игорь, — позвала она тихо.

Он открыл глаза.

— Нормально все. Спала.

Вера приняла Соню, осторожно высвобождая затекшую руку. Игорь попытался разогнуть пальцы и поморщился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.